Югра

Библиотека
журнала

86.59
Т41

Г.Н.Тимофеев

Тайны сибирских шаманов

Дорогого, доброго
старого друга
Владимира Борисовича
от автора, члена
Союза писателей
Г.Ф.
июнь 1997 г.

Г.Н. Тимофеев

ТАЙНЫ СИБИРСКИХ ШАМАНОВ

Из истории шаманизма Югорского края

г. СУРГУТ
Библиотечка журнала «Югра»
1996 г.

Коллекция Патрикеева Н.Б.

- 050883 -

Государственная библиотека Югры | РФ

ББК 83.3 + 87.3
Т41

ТИМОФЕЕВ Г.Н.

Т41 Тайны сибирских шаманов. Из истории шаманизма Югорского края. — СУРГУТ: редакция журнала «Югра», 1996. — 112с.

Историк-краевед Г.Н. Тимофеев хорошо знаком читателям журнала «Югра» по его частым очеркам об истории и культуре нашего края. Живет в пос. Октябрьское, а в Ханты-Мансийском автономном округе он с 1940 года.

История шаманизма нашего края — новая тема для нас, а для автора — это духовная история аборигенов. Это мы почувствуем, когда прочтем книгу «Тайны сибирских шаманов». Она может быть полезна учителям, учащимся и студентам, журналистам и лекторам, всем интересующимся сибирским шаманизмом. Обширный материал, накопленный автором за десятилетия поиска, рассчитан на широкий круг читателей.

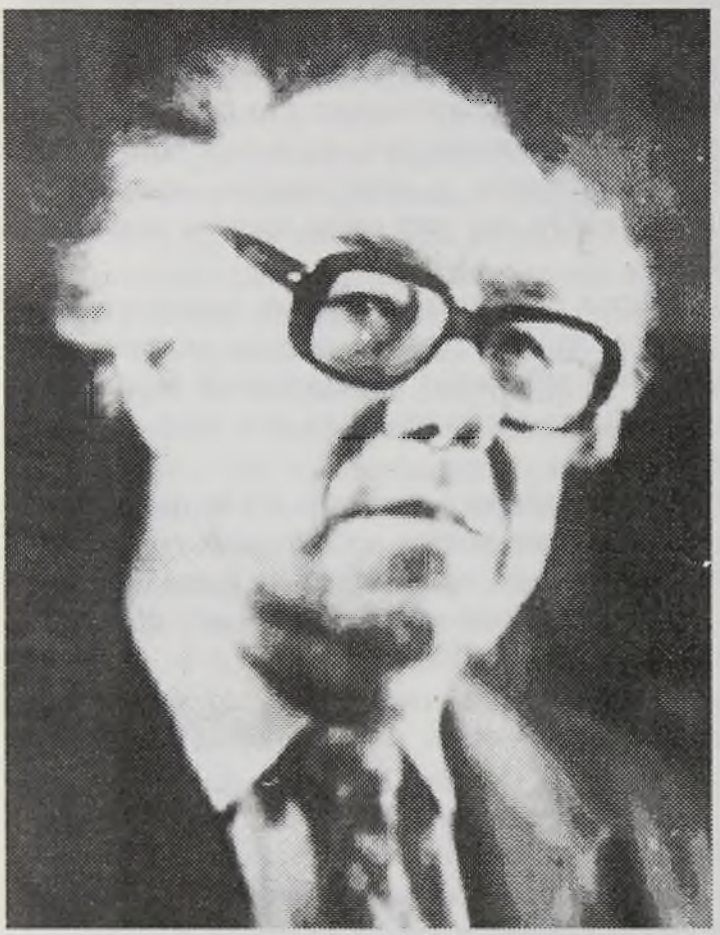
Автор иллюстраций этой книги тоже Г.Н. Тимофеев.

Т $\frac{4402000000\text{-}4}{Г55(03)\text{-}96}$ - без объявления

ISBN 5-8260-0036-8

© Тимофеев Г.Н., 1996 г.

Геннадий **ТИМОФЕЕВ**

Сегодня, когда не существует запретных тем, исследования Геннадия Тимофеева не могут увлечь вчерашней смелостью. Но дело в том, что эти исследования начаты во времена, когда на тему шаманизма было наложено прочное табу. В исследованиях Тимофеева явственно ощущается это мужественное противостояние идеологическим запретам, исследования диалогичны, внутренне полемичны. Защищая свое право, автор попутно очень убедительно доказывает читателям важность и целесообразную необходимость исследования.

Официальная идеология хотела укрепить народ во мнении, что шаманизм — это рудимент примитивного прошлого, наследие, от которого необходимо отказаться, как от мракобесия.

Шаманизм — действительно путь в прошлое, но прошлое сложное, противоречивое и необычайно глубокое. Тимофеев в своих очерках блистательно доказывает, что сибирские шаманы — это необычайная человеческая энергетика, помноженная на высочайшую духовность и естественную, органическую связь с природой, все то, что дает право земному человеку на разговор с Богом.

Тимофеев работал на руинах, на руинах естественного человеческого мировосприятия, уничтоженного античеловеческим режимом. Автор действовал с трогательной бережностью археолога и ему удалось восстановить то, что, казалось бы, утрачено навечно.

Труд Геннадия Тимофеева — еще одно его несомненное достоинство! — первое столь полное исследование по сибирскому шаманизму. Несомненно, он должен быть издан и столь же несомненно займет достойное место на книжных полках тех, кому небезразличны судьбы Сибири.

Анатолий ОМЕЛЬЧУК,
член Союза российских писателей.

* * *

Имя Геннадия Николаевича Тимофеева хорошо известно краеведам Ханты-Мансийского округа. Его публикации появились в печати в 70-е годы. Я с уверенностью могу сказать, что немного найдется в нашем округе людей, кто так хорошо знает свой край, как Геннадий Николаевич Тимофеев.

В фонде окружной библиотеки кроме работ, опубликованных в научных сборниках, собраны рукописные материалы, которые автор передал в краеведческий фонд. Работы Генна-

дия Николаевича отличает то, что для своих исследований он выбирает малоизученные темы. Но тематика его работ при этом достаточно разнообразна: религия, фольклор, шаманизм и др. Все работы историка-краеведа отличает лирическое изложение темы, в них присутствует отношение автора к проблеме, о которой он пишет. Немаловажно и то, что все они снабжены пристатейной библиографией. Это доказательство серьезного изучения проблемы и желания автора познакомить читателя с кругом литературы по теме.

Несколько слов хочется сказать о его очерках о шаманизме. Это скорее литературные рассказы, где главный герой – шаман. Мы привыкли к образу шамана, как жестокому, наживающемуся на невежестве своего народа служителю культа. Г.Н.Тимофеев в своих рассказах показывает другого шамана. Чаще всего – это человек с особым даром, владеющий тайнами природы. Он не оторван от народа, его жизнь и судьба связаны с судьбой людей, среди которых он живет. Рассказы "Шаман Инмар с реки Тапсуй", "Мария Люстик и шаман Юшман", "Последний шаман Тапсуйских урманов" и др., думаю, с большим вниманием прочтут все – от знатоков истории края до школьников. Может быть, с этих удивительных рассказов и начнется знакомство для многих с нашим уникальным краем.

В своих рассказах Г.Н.Тимофеев использует свои личные наблюдения, знакомства, встречи и тот огромный багаж, который он получил из различных литературных и архивных источников. Я не берусь судить о научной ценности этих работ, надеюсь, их оценят специалисты.

Т.ПУРТОВА,
зав.краеведческим отделом
Ханты-Мансийской окружной библиотеки.

* * *

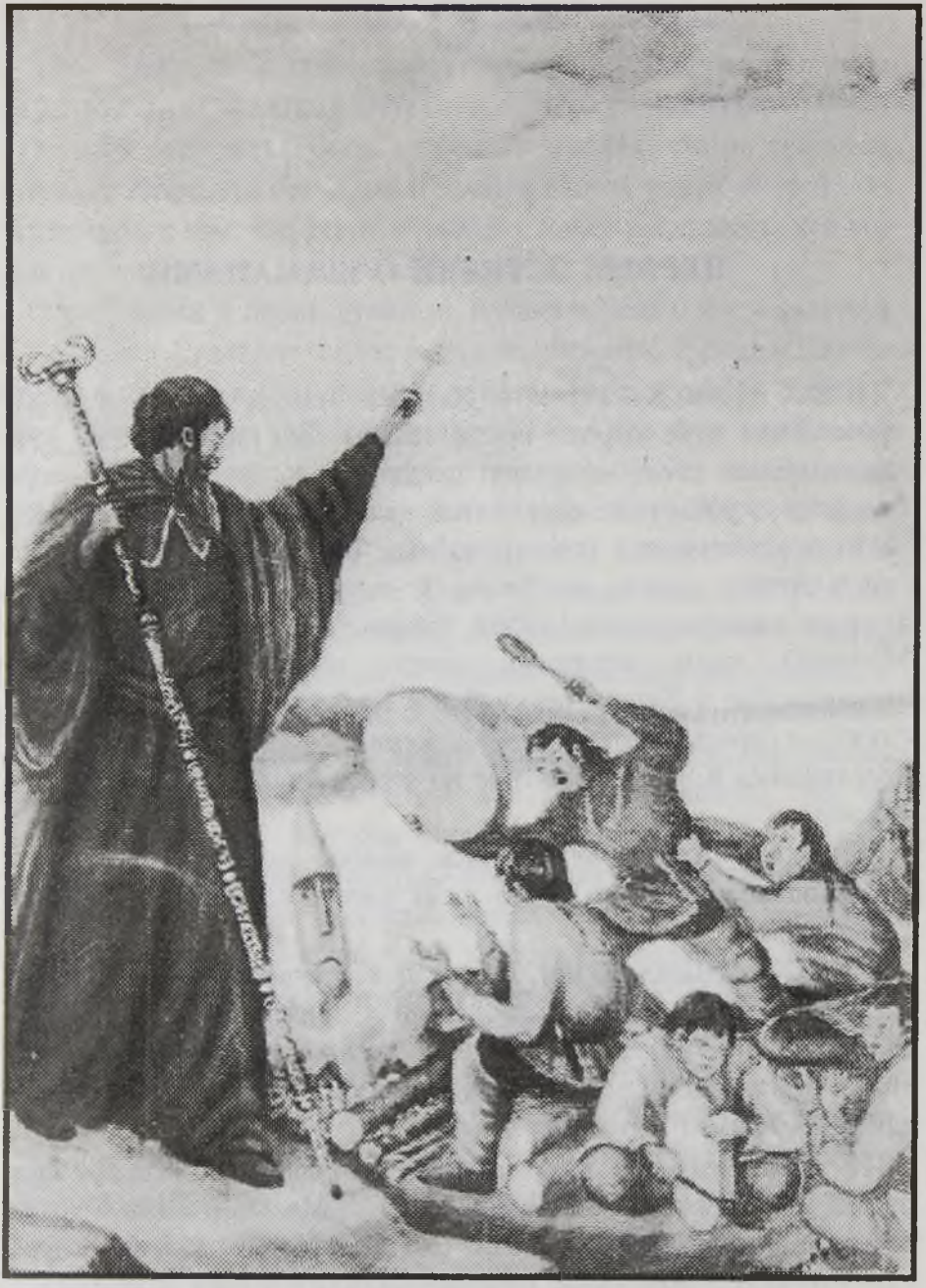
В период моей работы заместителем редактора районной газеты "За коммунизм", издаваемой в Октябрьском районе, мне не раз приходилось готовить к печати и публиковать материалы Г.Н.Тимофеева. Запомнились статьи и очерки: "Былины древней Югры", "Легенды вогульских шаманов", "Художественная культура обских угров" и др. Мы сознательно шли на публикацию порой слишком объемных для районной газеты статей, так как на подобные интересные темы, основанные на фактическом материале, практически никто в районе не писал.

Г.Н.Тимофееву свойственен научный подход, глубокая проработка в подготовке материалов. Поэтому его работы вызывают не только большой познавательный интерес у читателей, но и представляют несомненную ценность для краеведов.

Как работник музея, считал бы целесообразным издание работ Г.Н.Тимофеева отдельным сборником, который будет отличным подспорьем в нашей краеведческой работе.

В.ЗАХАРОВ,
директор музея.

♦♦♦

Крушение лесных духов.

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ С ШАМАНАМИ

Над Старым Кокандом опустилась темная южная ночь. В черно-синем небе горели яркие звезды. В старой мечети уже давно пропел свою вечернюю песню мулла, и городской шум сменился журчанием каменистой речки, рассекавшей на две части усадьбу и сад старого узбека Фурхата Закирджана. На самом берегу речки, на широкой террасе, оплетенной снизу доверху виноградником, сидел хозяин, его сын и мой отчим. Молодые люди, отслужив вместе положенный срок на погранзаставе в Кушке, вернулись в Коканд. Отчим был взят на службу в городской отдел НКВД, женился на моей матери-вдове, поселившись в нашей квартире по улице Андижанской в Новом Коканде.

Его друг Ахмат, вернувшись домой, работал слесарем в железнодорожном депо, а его жена вместе с тещей занимались хозяйством.

Как рассказывал Ахмат, его отец в прошлом был муллой в соседней мечети. Но был заподозрен в причастности к магии и вынужден был уйти, уединиться и заняться мирскими делами. Но он по-прежнему исповедовал мусульманство и считал Аллаха единым сущим и живым богом.

Из мечети ушел он давно, спустя несколько лет после прихода русских в Узбекистан. Случилось это так. Молодой тогда Фурхат вечером тушил в мечети свечи. Он когда-то слышал от соседа, как тот видел приезжего факира-иранца, который проделывал разные фокусы, тушил свечи, не прикасаясь к ним руками.

Фурхат подошел к горевшим свечам, и у него возникло непреодолимое желание научиться этому волшебству. Он представил себе такую силу в глазах и мыслях, что он способен не только потушить свечи, но и пройти сквозь стены мечети. Он убедил себя в том, что такое возможно, и ему показалось, что все вещи не так прочны, как мы привыкли их считать.

Отрешенный в своих думах от внешнего мира, погрузившись полностью в желание силами духов погасить горящие свечи, Фурхат подошел к ним, долго и пристально смотрел на пламя и вдруг увидел перед собой гаснущую свечу. Он был ошеломлен этим и крайне напуган. Но именно так он потушил все свечи.

Когда он с величайшим ужасом выходил из мечети, то у входа увидел русского мальчика лет двенадцати, который изумленно смотрел на Фурхата. Он тоже видел гаснущие сами собой свечи. С тех пор по Старому Коканду поползли слухи о колдовстве Фурхата. Слухи все больше и больше обрастали выдумками и небылицами. Сам же Фурхат, ошеломленный своим открытием, с тех пор был полностью поглощен осознанием того, что мысль человека — это воплощенный дух, имеет тайную, но не материальную силу — он весь отдался этому открытию.

Фурхат по-прежнему считал, что Аллах — это высочайшая премудрость, что нет божества, кроме Аллаха, что он един, предвечен, всемогущ, правосуден и благ. Он полагал, что силы, которые он нашел в себе, не противоречат Аллаху. Он верил, что именно Аллах сотворил этот мир и создал разумные существа иного мира, которых люди называют духами, был уверен, что именно эти силы способны приблизить людей к божеству. Вместе с тем он верил, что его духовное внутреннее зрение способно глубоко проникать в иные уровни материи. Он пришел к убеждению, что все вещи — это единое целое, между которыми есть связь, понятная не каждому. Потухшие свечи — это был факт, и его мало интересовало то, что это противоречило всем теориям того времени.

После отлучения Фархата от мечети, он исправно ходил на службу в местную чайхану, по-прежнему тайно участвовал в запрещенном ритуале "Саксей-Ваксей", рассекая ножом себе кожу на голове и спине до крови, а потом долго лечил раны, засыпая их сахаром.

Было уже поздно. Старый Фурхат, отчим и Ахмат говорили о вере. Меня уложили спать на террасе, накрыв теплым стеганым халатом (летние ночи в Коканде всегда холодные). Вслушиваясь в разговоры взрослых и не понимая их смысла, я долго не мог заснуть. О чем шла речь, я узнал из рассказа отчима намного позднее, когда мы жили в Восточной Сибири. Из его рассказа я понял, что старый Фурхат предсказал отчиму очень трудную судьбу и скитания по дальним дорогам, но большого долголетия и то, что умрет он не на чужбине. Верил ли отчим этим предсказаниям — я не знаю до сей поры. Он был человеком крайне молчаливым и скрытным. Окончил он гимназию в Ижевске. Отец его жил в Глазове и был беден. Воспитывался отчим в семье дяди, богатого, но бездетного, который стал его вторым отцом. Отчим был очень начитан. В свободные от работы часы он очень много читал. Но к жизни практической был мало приспособлен.

Однажды он вернулся из командировки и был крайне расстроен. Он всю ночь разговаривал с матерью, и этот разговор резко изменил нашу жизнь и решительно повлиял на всю дальнейшую судьбу. Через несколько дней после тревожного ночного разговора отчим внезапно уехал, уволившись из органов ОГПУ. Через месяц он увез нас на Урал, где жил его брат, работавший начальником железнодорожной станции в Кушве. Это было началом скитаний и переездов. Через три месяца семья переехала в одну из глухих деревушек в предгорьях Алтая, затем в Маслянский район Новосибирской области, а еще через три месяца весной мы уже плыли на шаландах вниз по реке Лене.

Меня поразила огромная величественная река. До этого я видел арыки да каменистые речки, которые были немного шире

трех метров, примерно такие, какой была речка в усадьбе Фурхата в Старом Коканде. Берега Лены были заросшие густыми лесами. Они пугали и манили своей красотой, таинственностью и величием. Что гнало отчима в эти дебри, мне было непонятно. Но то, что он скрывался, постоянно меняя место жительства, становилось вполне очевидным.

В Керенске отчим купил шитик (большая лодка с маленькой каютой и нашитыми бортами). Ранним утром наше суденышко, не отрываясь от берегов, двинулось вниз по течению. Погода стояла тихая. Было пасмурно, но не было дождя. В среднем своем течении Лена — это большая река с высокими скалистыми берегами по правой стороне и широкими поймами — по левой. На горизонте они сливаются в синеватом мареве, образуя бескрайние вольные просторы. От этого плеса реки кажутся очень большими озерами. Лена — это царство воды и тайги.

Как-то вечером, когда солнце уже низко опустилось к горизонту, на берегу показались два небольших жилых дома. Здесь жили две семьи якутов. Занимались они скотоводством, выращивали низкорослых лошадей якутской породы, имели небольшой участок посевов ячменя и гречихи. Зимой и летом лошади паслись на лугах. Якуты круглый год занимались рыбалкой.

Встретили нас весьма гостеприимно. Заезжий человек — здесь большая редкость, и якуты рады каждому, кто, хотя и ненадолго, скрашивает их обычное, повседневное житье. Вечер и ужин с огненной влагой, почитаемого в этих краях спирта, сделал всех более разговорчивыми и еще более добродушными. Отдельно от всех сидел старый якут, с большой копной седых волос, с накинутой на плечи меховой безрукавкой. Он был совершенно слепой и плохо слышал.

— Это мой отец, Гомбожаб, — сказал молодой хозяин, — ему уже, наверно, сто лет. Он давно уже не видит, но немного слышит. Он был шаман. Он много знает.

Ничто так отчима, мне казалось, не интересовало в людях, как их вера и отношение к Богу.

– Спроси его, – обратился отчим к Михаилу, хозяину дома, – как он видит своего Бога?

Но старый шаман сам хорошо говорил по-русски и, вытирая мягкой тряпицей слезящиеся глаза, ответил:

– У якутов есть пословица: "глаз видит близко, ухо слышит далеко". Я Бога не вижу. Но всегда его слышу. Мои предки тоже никогда Бога не видели, но всегда его слышали. Я слышу и Бога, и духов. Я могу с духами разговаривать, но их тоже никто не видит. Они как люди. Они могут быть мужиком и бабой. Они летают быстрее, чем думает человек. Они всегда живые и никогда не умирают.

Старик стал словоохотлив наверное потому, что его душу отогрели капли Бахуса, и на все вопросы он отвечал охотно и без особых затруднений.

– Я видел только одного шамана, – слукавил отчим, – в теплой стране, там, где я жил. Тот шаман был узбек. Он тоже рассказывал о духах.

Отчим почему-то скрыл, что, скитаясь по лесам Забайкалья, он встречал многих шаманов и мог часами рассказывать о чудесах, которые видел собственными глазами: хождение босыми ногами по горячим углям и битому стеклу, вонзание в собственное тело острозаточенных гвоздей, лизание языком раскаленного железа. Его знакомые шаманы Цангалов, Атаганов, Хасар могли показывать такие чудеса, которые не поддавались обычным объяснениям и лежали за пределами всякого чуда.

– Расскажи о твоих духах, с которыми ты разговариваешь.

– У нашего народа сикогиров много духов: добрые – айыы и злые – абасы. Добрые духи всегда живут наверху, а злые – внизу. У сикогиров священным духом был лебедь. Улусные люди и наши тайоны их никогда не убивали и не ели. Наш род почитал верхнего бога Юрюнга и Дыылга, которые говорили людям как должен жить каждый человек, где ему жить и где ему помереть.

Шаман курил трубку и "смотрел" куда-то вверх своими незрячими глазами. Последний раз он камлал три года назад, когда весной съехались соседи-якуты на праздник "ысыах", в честь духов и небесных богов. Шаман тогда просил у вызванных им духов большого улова рыбы. Он показал духам, как много хотели бы люди иметь рыбы. Духи дали в то лето большие уловы осетров и стерляди. В тот раз шаман сумел подчинить себе духов, и они выполнили его просьбу. Но старый шаман вспоминал случаи, когда духи подчиняли себе шамана, и он говорил людям то, что говорили духи.

– Скажи, отец, кто твои духи?

– Мои духи – это мои предки: прадед, дед и мой отец. Их души жили раньше их. Моя душа тоже жила до меня. Когда я был молодой, был глупым и злым. Но потом мои духи меня сделали хорошим рыбаком и охотником. Я стал любить своих духов, и они всегда помогали мне. Если я буду делать зло, мои духи могут завтра отобрать мой ум и сделать меня дураком. Духи делают некоторых молодых умными, а стариков – дураками. Это делают духи. Они все могут.

Старый шаман умолк. Трубка, зажатая в его ладонях, погасла. И больше он за весь вечер не проронил ни слова.

Было уже поздно, и отчим, вспоминая рассказы и камлания бурятских шаманов, уже засыпая, подумал о том, что различные понятия о духах, об ангелах и демонах, драконах и ведьмах – у разных людей схожи в том, что эта вера – есть вера в силу добра, в силу Возвышенного Разума – Бога.

К вечеру другого дня наш путь по красавице-Лене был завершен. От деревни Чучейское, построенной русскими первопроходцами в XVII веке, начинался сухопутный перевал на Нижнюю Тунгуску. (Первым, кто прошел Чучейским волоком с Тунгуски на Лену, был казак Пенда. В 1620 году с небольшим отрядом на лодках, пройдя от устья Тунгуски до ее верховьев, он волоком прошел до Лены и стал первооткрывателем сухопутного перехода с одной реки до другой).

В 1723 году этот путь повторил исследователь Сибири Д.Г.Мессершмидт, а в 1911-м – русский писатель В.Я.Шишков, автор "Угрюм-реки", так он назвал Нижнюю Тунгуску. Будучи гидрологом, исследовал Чечуйский волок с целью найти наиболее удобное место для соединения каналом Нижней Тунгуски с рекой Леной.

Теперь предстояло сухим путем – Чучейским волоком – на лошадях и телегах переправиться к истокам Тунгуски, через горно-таежный водораздел. Густые перелески хвойника сменялись ржавыми топкими марями и болотами с порослью березняка, мелкими речушками с деревянными мостами. Невысокие сопки были заросшими стройными соснами. Крепко пахло багульником, смешанным с запахами цветущих трав и замшелого стланика, и нагретой солнцем хвоей. Пение иволги и малиновки, тревожные крики кедровок дополняли унылое поскрипывание колес тележных упряжек. Размеренно-медленное движение по таежной дороге вселяло удивительное чувство умиротворенности и душевного спокойствия.

Нижняя Тунгуска встретила нас неприветливо. Накрапывал дождь. Низкие плотные облака плыли тяжелой грязной ватой над лесом. Самым сильным первым впечатлением от Нижней Тунгуски было угрюмое безмолвие и царство тишины. На десятки, сотни верст кругом не было ни сел, ни деревень (до Ербогачена отсюда было более тысячи верст), если не считать маленькой деревни Подволочное и ямского зимовья Антипова плеса, в которых проживали несколько семей русских переселенцев.

За несколько дней пути на плотах мы не встретили ни одного человека. Деревушки, которые мы проехали: Непа, Преображенское, Большой Ермак и Оськино были малонаселенными, крайне спокойными и молчаливыми. А дальше опять вода, тайга и тишина.

Казенный груз "Интегралсоюза" сплавляли грузчики от Подволочной до Ербогачена на плотах. На них был сооружен

очаг из досок и песка, поставлены палатки и туалет в конце плотов, отгороженный всего одной стенкой из неструганных досок.

Через несколько дней пути на правом берегу Тунгуски наконец-то показалось село Ербогачен – древнее поселение русских, основанное еще во времена Алексея Михайловича. В центре села возвышалась почерневшая от времени старая деревянная церковь с колокольней. В ней располагался сельский клуб. Колокол с нее был снят лет десять тому назад, тогда же уехал куда-то ее последний священник. И только чудом уцелевший на колокольне большой позолоченный крест напоминал о былом величии святого православного храма в этом глухом и диком таежном краю. На высоком холме располагалась школа-интернат.

К поселку примыкала глубокая впадина, которая заполнялась весенними паводками, соединяясь воедино с лесным озером, бывшей старицей. На высоком берегу тянулся, похожий на рукотворный парк, сосновый бор, с другой стороны к самому берегу подходил вековой ельник. Это было любимое место местных рыбаков и охотников.

В середине 30-х годов на берегу озера силами учащихся местной школы-интерната был построен небольшой дом, разработан участок земли, на котором проводились опыты по выращиванию капусты, репы, картофеля. В 1933 году в парнике этого пришкольного участка были выращены впервые в этом крае помидоры, огурцы и редиска.

Самым примечательным заведением в селе была школа. Она была открыта в 1923 году. Организационный период становления народного образования в Красноярском крае завершился в 1928 году. В том же году в ряде школ началось преподавание “с промысловым уклоном”. Обучение учащихся коренных национальностей шло не только при участии их в промыслах, охоте, рыболовстве, но и в ознакомлении со столярным, слесарным и кузнечным производством. В таких школах имелись

олени, учащихся обучали управлять упряжками. Школы имели свои промысловые снасти: лодки, сети, неводы, лыжи, ружья. Школа имела коллективные договоры с кооперативами Госторга и "Интегралсоюза", по которым велось целевое отоваривание на сданные рыбу, пушнину, грибы и ягоды.

В Ербогаченской начальной школе учились дети эвенков всей бывшей Кондинской инородческой управы. Учебный год в школе начинался с 1-го января и оканчивался 1-го сентября. Во время летних и осенних уборочных работ (покос, уборка картофеля и овощей) обучение было ограничено количеством учебных предметов: не было труда, физкультуры и рисования. Уроки проводились без дачи домашних заданий. Всеми работами побригадно руководили учителя.

В подсобном хозяйстве школы-интерната в 1934 году появились лошади и коровы. На противоположном берегу Тунгуски, на заливных лугах школа получила участок в 10 гектаров. На этой площади ученики сами вырубили кусты, убрали плавник, занесенный высокими половодьями, и организовали школьный покос.

Все воспитанники школы-интерната жили по всем правилам самообслуживания. С 1930 года Ербогаченская школа стала семилетней. Положив в основу главную идею: воспитывать и обучать в обычно-семейном, производительном труде, в традициях здешних промыслов и быта коренных народов — это было наивысшим достижением педагогической практики и науки.

Много рассказывал директор школы А.А.Горцевский о работе учащихся и педагогов. Знакомству с ним я был обязан любопытству отчима, который обратился к директору школы с просьбой показать домик, в котором когда-то жил автор "Угрюм-реки". Это обстоятельство сразу сблизило их. До самого отъезда мы жили на квартире Горцевских, до дня отъезда в Усть-Илимпию, куда был командирован отчим для организации фактории "Интегралсоюза".

Рассказы директора школы поражали воображение. Порой не верилось, что в такой глуши могут рождаться такие великие идеи педагогики. А.А.Горцевский был виднейшим, самым талантливым организатором народного образования в Эвенкийском автономном округе. Он с благодарностью отзывался о тех, кто помогал ему и поддерживал все его начинания — А.И.Инешине и Н.И.Фаркове — руководителях Катанского "Интегралсоюза".

Закончилась погрузка на плоты товаров, и караван двинулся дальше на Север. За Ербогаченом река стала шире, глубже и раздольнее. Половодье весны глубоко упрятало перекаты и пороги. Течение Нижней Тунгуски в это время до самого ее устья, на протяжении более двух тысяч километров, тихое и спокойное. Осенью, когда уходят вешние талые воды, из-за массы порогов и каменистых перекатов во всю ширину реки путь по ней становится опасным и трудным.

От Ербогачена до Усть-Илимпии население еще реже. Те немногие поселки, как Наканно и Инаригда, заселены оседлыми и полуоседлыми семьями эвенков. В середине 30-х годов во всех этих поселениях были открыты школы, больницы, сельские клубы с библиотеками, которые благотворно влияли на быт и хозяйство коренного населения. Но эвенки неоднозначно относились к этим новшествам: с одной стороны, они были довольны теми переменами, которые происходили в их жизни, с другой, — они опасались, что русские постепенно подчинят их земли себе и лишат их прежней свободы.

Часть грузов, которые везли на плотах, были оставлены в Наканно и Инаригде. Здесь был отцеплен один из плотов. В середине июня недалеко от устья реки Илимпии, в одноименном поселке этот путь был завершен. Усть-Илимпия, таежный поселок, был основан в 1911 году. Это был торговый стан молодого Валентина Суздалева, сына ангарского купца. Из Усть-Илимпии шла санная дорога на Ангару. Поселок стоял на полпути от истоков Нижней Тунгуски до Туруханска, который

Государственная библиотека Югры
РФ
- 050883 -

находился в тысяче трехстах километрах от Усть-Илимпии. Как велика ты, матушка-Русь!

Создание фактории "Интегралсоюза" в Усть-Илимпии началось давно, и сделано было уже много: в большом пятистенном доме находилась контора фактории, магазин, комната для заезжих и квартира заведующего. Однако не имея штатов, заведующий должен был совмещать должность заготовителя, продавца, вести бухгалтерский учет и брать на себя все функции, которые выполняют учреждения подобного рода.

Весь двор "Интегралсоюза" был обнесен высоким забором, соединяя два больших склада, с выходом в сторону реки. Во дворе была новая баня, срубленная из толстых бревен.

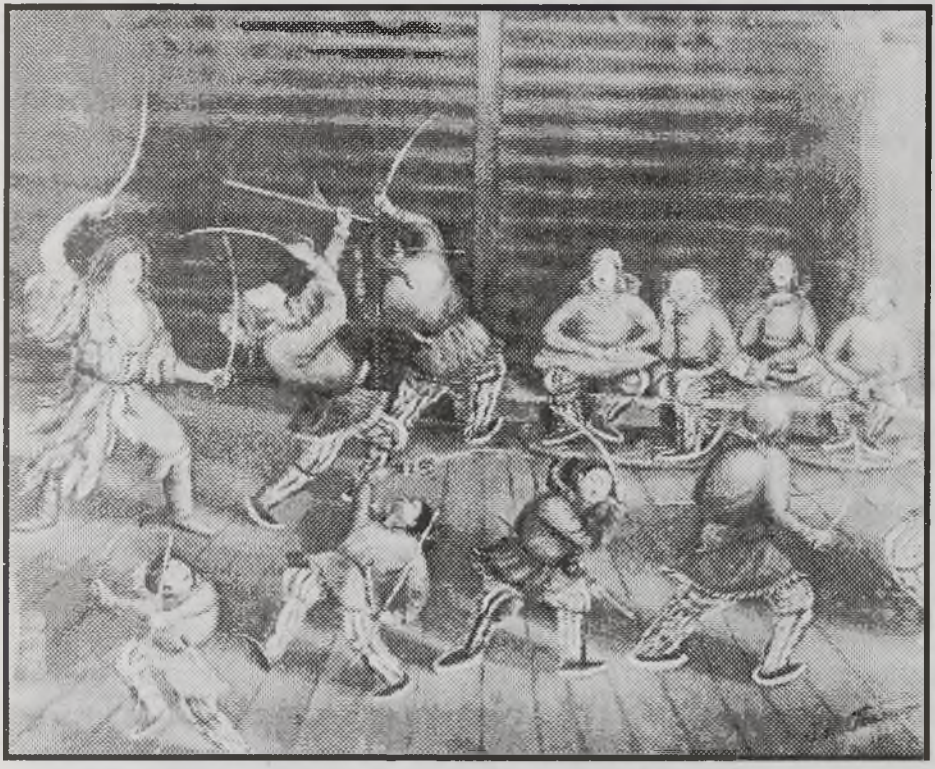
Точно такая же усадьба Госторга, но с более старыми постройками, находилась тоже на берегу Тунгуски, на другом конце селения, между усадьбами нескольких десятков домов местных жителей.

Интегральная кооперация активно вторглась в производственную деятельность населения, она снабжала эвенков промысловым инвентарем, заключала договоры на заготовку ягод, орехов, грибов, мяса, пушнины, оплачивала за товар. Работа "Интегралсоюза" осложнялась тем, что в этом же поселке функционировала другая торгово-заготовительная организация Госторга, выполнявшая те же функции. Госторгом заведовал тогда Антон Осипович Анкудинов (в 1937 году он был арестован органами ОГПУ), о котором ходили слухи, что он был белогвардейским офицером.

Отчим часто выезжал зимой на места охотничьих промыслов. Как и многие сотни лет назад, эвенки охотились в одиночку. Главная цель промысла состояла в добыче мясного зверя, а это требовало больших территорий и малонаселенности. Регион Нижней Тунгуски был для этих целей весьма благоприятный. Добыча пушного зверя для эвенка обычно была делом попутным.

Охота на медведя до появления огнестрельного оружия велась традиционно одним охотником. Когда разгневанный медведь

вставал на дыбы, охотник ставил к ноге пальму (короткий шест с прикрепленным на конце широким и длинным ножом), и медведь, бросаясь на охотника, распарывал себе грудь или живот, наседая всем телом на пальму.

Мужской танец древнеобского праздника Еляня.

Про охотника Сычогира ходили легенды, а, может быть, так это и было. Даже тогда, когда у эвенков появились ружья, он ходил на медведя с рогатиной-пальмой и этим способом добыл более сорока медведей. Быль это или небылица, но такой способ охоты у эвенков на протяжении многих сотен лет был самым распространенным и самым надежным.

Среди всех своих знакомых отчим выделял Василия Васильевича Комбагира, по прозвищу "Купалэн", и своего помощника (ученика) – молодого, смекалистого, очень простого в обращении, общительного и веселого эвенка Иннокентия Петровича Увачана, приехавшего на практику к отцу из Наканно. В то время ему было не более двадцати лет. Уезжая из Усть-Илимпии, отчим сдал свои дела вновь назначенному заведующему – Иннокентию Петровичу, закончившему к тому времени курсы в Красноярске. И.П.Увачан был участником Великой Отечественной войны. За храбрость и мужество был удостоен многих орденов и медалей и звания Героя Советского Союза.

Охотничьи угодья Комбагира находились в среднем течении Илимпии. На противоположном берегу от поселка Усть-Илимпии, за мрачными сопками Оймякона, по левобережью речки Ейки были промысловые угодья Ивана Николаевича Каплина. Выше по течению в сторону Инаригды располагались угодья охотника Ивана Ивановича Путыгиря. Все три соседа когда-то были крещены, все они носили нательные кресты с распятием, все трое были шаманами.

Соседи шаманов разное рассказывали о них. Советская власть резко снизила авторитет шаманов. Однако большинство эвенков по-прежнему относились к шаманам с большим уважением и часто прибегали к их помощи. Одних к этому вынуждали частые неудачи на промыслах, других – затянувшаяся своя болезнь или хворь родственников. Собирались эвенки к шаманам и по случаю своих традиционных праздников, жертвоприношений.

Василий Васильевич Комбагир был сыном потомственного шамана. Жил он один. Похоронив жену, а потом престарелого отца-шамана, не имея детей, он остался жить в своем стойбище, вполне допуская мысль о том, что его одиночество может когда-нибудь скрасит женитьба на другой женщине. Проходили годы, а Купалэн все еще на что-то надеялся, но по-прежнему жил один.

Шаманству еще в детстве учил его отец. Трудная это была "школа". Когда ему было тринадцать лет, сидя у чувала, он как-то ремонтировал крепление лыж. Мать занималась своими делами. Вдруг ему показалось, что он "слышит" голос и слова о том, что олени, которых потерял отец и которых несколько дней они искали, пасутся у озера Дюр, километрах в пяти от селения.

Закончив ремонт лыж, накинув поверх малицы куптуптын (суконная малица, украшенная бисером и полосками цветной материи), он через полчаса был уже в пойме маленькой речки, которая вытекала из озера. Сначала он услышал звон колокольчика, а потом на опушке леса, у озера, увидел пасущихся своих оленей, которых и пригнал домой.

— Я буду учить тебя шаманить, — сказал отец, обращаясь к сыну.

Осенью, когда выпал снег, отец увез Купалэна в тайгу, на берег маленького лесного ручья, впадающего в Илимпию. Отец заставил сына "поздороваться" с Уранчи (так называлось это урочище) и с полным охотничьим снаряжением: берданкой, патронами, боеприпасами и некоторыми необходимыми вещами, — оставил его в лесу, сказав на прощание:

— Если захочешь есть — иди в тайгу. Здесь ты будешь жить один десять дней. Первые три ночи, перед тем как лечь спать, ты должен сидеть у костра и смотреть на раскаленные угли, чтобы они очистили твою душу, и все то "железо", которое держит тебя, пусть "расплавится" и потечет огнем по левой и по правой стороне твоего тела. Ты все время должен смотреть в огонь. Думать только об этом. Ты услышишь, как от раскаленного "железа" загорится тайга, затрещат деревья, сучья. Закрой тогда глаза и долго-долго слушай. Потом скажи: "Да будет так". Ничего не бойся. Спина замерзнет от страха, но ты ничего не бойся. Потом снова скажи: "Да будет так". Открой глаза — спина будет горячей, как огонь. Долго смотри в огонь костра и три раза еще скажи: "Да будет так".

Немного помолчав, отец продолжил:

— Каждое утро называй себя шаманом. Помни, что ты делал вчера вечером, помни, что ты видел во сне — хорошенько помни. Пойдешь на рыбалку или на охоту — помни, как вчера трещали лес и сучья от пожара, когда ты закрывал глаза. Огонь — это твоя кровь. Она потом не будет бояться ни огня, ни ножа. Она даст тебе новую силу. Ты станешь сильным. Огонь — это сингкэн (хозяин тайги), который дал людям амака (медведь). Твой дух — сэвен — будет сильным. Всегда перед едой сначала угости огонь: дай ему кусочек рыбы или мяса. Огонь приведет тебя к духам, он отделит тебя от других людей, сделает тебя шаманом. Он приведет тебя к другим духам — нашим предкам, которых дал и взял их Бог Эксэри.

Отец говорил долго. Все запомнить было трудно. Но главное Купалэн запомнил хорошо: каждое утро слушать свой внутренний голос и не спорить с ним. Голос будет "говорить", что надо делать. Если духи скажут тебе, чтобы ты катался по земле — надо кататься, если тебе духи скажут: "лети в небо" — лети и никого не бойся. Если духи скажут: "убивай зло" — надо его убивать, надо топтать зло ногами, жечь его огнем, топить водой. Если духи скажут: "неси добро" — ты должен подчиняться.

Отец наказывал, что еще три ночи надо вызывать к себе духов, сделать себе "хранителя-духа" из дерева, вырезать его ножом, а потом сделать себе бубен. Он дал три колокольчика, с помощью которых он вызывал духов. Отец обещал отдать ему некоторые вещи, которые нужны шаману для камлания. Учиться камлать Купалэн должен был сам подряд три ночи, а перед камланием долго смотреть в огонь нодьи (вид костра из двух бревен, подвешенных друг над другом) и звать к себе духов. Отец наказывал, что звать надо одного-двух духов, лучше всего дух деда и бабушки, которые очень любили Купалэна. Когда они "придут", то надо с ними "разговаривать" и ничего не бояться. Надо долго звать духов, а перед камланием не есть, потому что сытый человек — ленив и глуп. Когда "придут" духи, они громко застучат. Ты говори с ними громко и хорошо. Если духи будут

смеяться, ты тоже должен быть веселым. Если духи будут печальными, то смеяться нельзя. Они этого не любят.

Еще отец просил не забывать, что когда закончится камлание, надо сказать духам "спасибо" и отпустить их, вежливо прощаясь.

Надо было запомнить все разговоры с духами и не забывать, о чем они говорили. А когда вернешься домой, никому ничего не рассказывать, смотреть смело людям в глаза, чтобы они почувствовали твою силу, потому что ты стал шаманом. Если люди начнут говорить неправду, то надо с ними спорить и говорить им, что они лгут. Смотри людям в глаза, ничего не бойся, и люди начнут тебе верить.

Когда отец закончил наставления, он долго смотрел сыну в глаза. Он искал в них ответное упорство. Он остался доволен, сел на вожака оленьей упряжки и оставил Купалэна одного в лесу, сказав на прощание:

– Домой не приходи. Я сам за тобой приеду через десять дней.

Оставшись один, Купалэн сделал нодью, спустился к речке, нашел табунчик рябчиков в густых зарослях черемух и молодых берез, убил двух из табуна и вернулся, чтобы засветло соорудить шалаш из веток елей. Когда начало смеркаться, он поджег нодью, сварил ужин, и его неожиданно охватил страх при мысли о том, что он должен был делать ночью.

Ветер, который начался после полудня, все сильнее шумел в вершинах елей и лиственниц. К ночи ветер усилился, порывы шума перешли в протяжный гул и в лесу стало темно и жутко. "Ничего не бойся". Этот наказ отца был обещанием помощи и защиты. Это успокоило Купалэна, и минутная слабость исчезла. Он снял с себя малицу, сел в шалаш, сделанный наклонно к костру из лап ельника. В шалаше было тепло. В вершинах деревьев шумел сильный ветер. Но все это было делом привычным для него, и в душе его, как и прежде, стало хорошо и спокойно.

Из обрубка молодой березы Купалэн вырезал фигурку духа с усеченной головой, едва-едва наметив прямыми разрезами глаза, нос и губы. Идол был похож на тех деревянных духов-предков, каких он видел у отца и других эвенков.

Сбросив стружки в нодью, Купалэн выкурил трубку и стал пристально смотреть на горячие угли нодьи, вспоминая все, о чем говорил ему отец. Так он сидел долго, полностью отрешившись от мира. Неистовый ветер, казалось, рвал в клочья низкие темные облака, кидал их на вершины деревьев. Сплошной гул с тяжкими стонами летел в сторону зловещего Оймякона.

Что видел молодой шаман в багрово-красных тлеющих углях нодьи, сказать трудно. Но ясно было одно, что он "ушел" в иной мир, в мир той иллюзии, в картинах которой открывалось совершенно невиданное пространство, далекое и близкое в своем фантастическом преломлении, теряющее границы реального.

Купалэн поставил к стволу лиственницы деревянного идола, воткнув его в снег, двумя палками постучал по нодье и, стоя, как делал его отец, закинув голову назад и раздвинув руки в стороны, он начал трясти свое тело, ощущая, как по спине поползли холодные мурашки подступившего страха. Он звал духов, упоминая имя прародителей. Так длилось минут пять. Страх одолевал молодого шамана, но он твердил про себя: "Ничего не бойся!". Вдруг он почувствовал прилив тепла по обе стороны тела, представив себе, как льется раскаленное железо, согревая его. Ему стало тепло. Услышав со всех сторон удары палок по стволам деревьев, понял, что это "пришли" духи. Удары были четко слышны в общем бушующем над лесом гуле. Ему показалось, что каждый удар заканчивался чьим-то голосом... Ноги его, как ватные, уже не могли держать его тело, и он сел, закрыв глаза...

"Разговор" с духами был длинным и утомительным. Когда Купалэн, после приветствия духов, спросил давно умерших деда и бабушку о духах других родственников — он попытался увидеть их лица. Однако, кроме ощущения их явного и близкого

присутствия, разглядеть он их не смог. Простившись с духами, Купалэн упал утомленный на брезентушку, постланную на толстый слой еловых веток, и тут же уснул... Тихо потрескивая, горела нодья. Над тайгой по-прежнему бушевал сильный ветер.

К рассвету ветер утих. Утро было тихое и приветливое. Где-то рядом торопливо барабанил дятел. Перед Купалэном открылась обычная и вечно новая картина зимнего утра в тайге. Все, казалось, было обычным и привычным. Но первая шаманская ночь что-то изменила в подсознании молодого шамана, но что именно, он объяснить себе не мог.

Когда совсем рассвело, Купалэн вырубил длинную тонкую палку из сухостойного дерева, подогнал с помощью ножа железную острогу, оставленную отцом в мешке из оленьей шкуры вместе с охотничьими припасами, и пошел к речке. Ниже порога, который не замерзал зимой, стоял туман. Ударяясь, перекатываясь и пенясь между камнями, монотонно шумела река. Купалэн выбрал место, топором вырубил лунку, установил из принесенных коротких жердей остов маленького чума над прорубью, покрыл его все той же брезентушкой, на которой он спал, продернул длинный шест с острогой через связанные по верхним концам жерди, залез на четвереньках в маленький "чум".

Распустив шнур, на котором была привязана отлитая из свинца "рыбка", он опустил ее в прорубь. Для удачи бросил в прорубь кусочек сухаря. Сидя на корточках, он подергивал левой рукой свинцовую приманку. В правой руке он держал наготове острогу над "игравшей" свинцовой "рыбешкой". Вода была очень прозрачной. На метровой глубине хорошо было видно дно с разноцветными круглыми камушками.

Неожиданно ему почему-то припомнилась охота на уток в первых заберегах Илимпии. Тогда Купалэн, совсем еще мальчишка: ему было лет восемь, принес домой несколько убитых им уток. Не ожидая похвалы (это не принято в эвенкийских семьях), Купалэн разложил уток на полу, в глубине

души радуясь своей удаче. Однако отец, взглянув на убитых уток, нахмурился и грубо обратился к сыну:

— Плохой ты охотник, — сказал он.

От такой неожиданности Купалэн сильно смутился. Он не мог понять недовольства отца, смотря на разложенных уток: селезня, острохвоста и чирков, в ярко раскрашенных весенних оперениях, и трех однотонных серых самок. Тот отодвинул трех уток в обычных оперениях, строго сказал:

— Какой же дурак научил тебя весной убивать самок?

Купалэн, поняв возмущение отца его охотничьей оплошностью, на весь век запомнил этот запрет и потом часто об этом рассказывал начинающим охотникам. Его воспоминания были прерваны появлением небольшого тайменя. Он на миг остановился у прыгающей "рыбки", прижавшись ко дну, метнул ее хвостом и мгновенно бросился на нее. Сильно ударив тайменя острогой, Купалэн прижал его ко дну и выдернул рыбу из проруби. Выбросив тайменя на снег из палатки, он снова опустил шнур в лунку. С некоторым разочарованием он вытащил таким же образом щуку. Ее поводка была иной, чем у тайменя: она мгновенно выскочила сбоку высоко над "рыбкой" и стрелой бросилась вглубь, схватив зубами свинцовую обманку. В этот момент Купалэн ударил ее острогой. Он поймал еще двух линьков с темно-фиолетовыми плавниками и на этом закончил рыбалку. Запасы рыбы были не нужны, потому что он знал, что когда ему понадобится рыба — он ее всегда добудет.

Через два часа он, сидя у нодьи, с удовольствием ел строганину и запивал ее густо заваренной чагой.

Два дня подряд Купалэн шаманил один у костра. Ходить на охоту было близко. Непуганая дичь была рядом. Глухари, белки, олени, соболь, куница и горностай, лоси жили в непуганом краю. Эта территория, вверх по Илимпии, испокон веков была вотчиной Комбагиров, и никогда сюда посторонние люди не ходили. Соседи имели тоже свои охотничьи угодья и охотились, ловили рыбу, пасли оленей, никогда не нарушая одним только им

известных границ. Печатных грамот на сей счет ни у кого не имелось — это было естественное право, по которому жили поколения эвенков. Память людская свято хранила запреты, не пытаясь их нарушить или исправить.

Из всего того, что наказывал Купалэну отец, оставляя его одного в лесу, больше всего он хотел научиться лечить. Лечить людей, собак, оленей. "Да будет так!" Он уже знал, как и какие болезни можно лечить лиственной смолой, медвежьей желчью, когда нужно колоть больные места засушенной зубастой челюстью щуки, он мог готовить лекарства из багульника, гриба мухомора... Но Купалэн знал еще мало, еще меньше умел. Отец обещал научить его лечить сном, наговорами, заговорами многие болезни. Этому когда-то учили отца его давно уже умершие родители. В лесу эвенки лечили друг друга сами, кто как умел. Но лечили только те, кто это умел. Много знали, много умели шаманы. Купалэн хотел быть шаманом. "Да будет так!".

Он был уже охотником, рыбаком и оленеводом. Мог в день проходить по лесу по 40 и более верст. В свои 14 лет он был настоящим мужчиной. То, чему учил его отец и дед, было понятно и просто, потому что это была сама жизнь, сама правда.

Предстоящие три ночи, после вызова духов, Купалэн должен был, ударяя палками друг о друга, как будто он бьет в бубен, плясать так быстро, чтобы не отставать от вызванных духов, когда они его "поведут" в "верхний" мир. Когда стемнело, Купалэн начал стучать палкой о палку, тайга эхом повторила эти звуки. Потом он стал стучать громче, вскочил на ноги, высоко подняв голову, и вместе с духами, как ему показалось, он оторвался от земли и "полетел" куда-то к темному небу.

Его воспаленному мозгу открывались новые миры. Он видел столько оттенков сияющего света, сколько никогда не видел на земле. Они были сплетены в бесконечную цветущую радугу. "Ничего не бойся!" — только эта земная мысль осталась в голове маленького шамана. Все его сознание было заполнено той картиной Вселенной, которая может раскрыться перед тем, кто

очень сильно захочет ее видеть, обладая высочайшей способностью самогипноза. Стоп! Дальше нельзя. Выше будет Дом Эксэри.

Вместе с духами шаман "вернулся" на землю. Он лег у нодьи и как будто растаял в немом и безликом пространстве. Сколько длилось такое состояние, Купалэн не знал. Придя в обычное состояние, он после ужина, выкурив несколько трубок крепкой махорки, поудобнее устроился возле нодьи. Посмотрел на прислоненное к стволу лиственницы деревянное изображение своего духа, подумал еще раз о том, что он должен быть шаманом — "такова моя воля, да будет так!" — и тотчас уснул.

Первое чувство, которое осознал Купалэн, когда проснулся — это была вера в то, что он "летал" в "верхний" мир, "видел" Вселенную. Это была вера в то, что он сегодня ночью позовет на помощь своих духов-предков, и когда они "придут", вместе с ними "полетит" в иные миры. В этом у него не было никаких сомнений. "Да будет так!", — снова он повторил про себя, как заклинание. Но отец его предупреждал, что клятва нужна только тогда, когда ее можно исполнить. Купалэн запомнил хорошо, что если клятву выполнить нельзя, то ее давать не нужно. И все, что он "видел" и "слышал", нужно держать в тайне.

Отец Купалэна, как и обещал, приехал на десятый день. В ту последнюю ночь он еще многому научил молодого шамана. Но только через несколько лет Купалэн стал настоящим шаманом.

Однажды Купалэн зашел в школу. Учитель эвенк Николай Васильевич Каплин, он же заведующий школой, был очень общительным и веселым человеком. Редкий день у него не было гостей. Взрослые приходили к нему за советами, за помощью, ученики — чтобы послушать грампластинки. Жил он в здании школы. Здесь же, в одном из свободных классов, был устроен кинозал. Ученики не пропускали ни одного киносеанса, хотя кино было "немое", а зрителям приходилось по очереди крутить динамо-машину.

Однажды, после вечернего сеанса, мы, группа любителей музыки, зашли к Николаю Васильевичу послушать грампластинки. В тот вечер в гостях у школьного учителя было несколько человек взрослых. Среди них – две женщины. Одна из них, лет сорока, жаловалась учителю на недавно начавшееся заикание. Она с трудом выговаривала слова, прося совета у грамотного человека. Поняв ее просьбу, Николай Васильевич написал записку и попросил женщину зайти к местному фельдшеру, чтобы тот дал ей направление в районную больницу в Ербогачен.

Купалэн, слушая разговор женщины с учителем, сидел рядом и внимательно слушал, всматриваясь в глаза женщины. Она, взяв записку, направилась к выходу. Купалэн, резко вскочив с табуретки, подбежал к женщине, хлопнул ее по плечам и крикнул:

– Интеграл!

Женщина, вздрогнув от испуга, повернулась, ударила Купалэна рукой и четко повторила за ним это слово. И потом она четко и быстро стала без запинки повторять слова, которые произносил Купалэн. Когда все очнулись от совершенного чуда, то громко рассмеялись. Женщина стояла у порога, смеялась и плакала. Она протянула бумажку шаману и, четко выговаривая слова, сказала:

– Спасибо, бойэ!

Шаман, достав кисет и трубку, раскурил ее и, попрощавшись со всеми, ушел. Не видел я больше Купалэна. Прошло с тех пор почти полвека, но стереть из памяти это чудо не в силах было и время. Загадки и тайны сибирских мудрецов, поражавшие так европейцев, остались для истории нераскрытыми. Умер Купалэн, умерли его дети. Шаманизм был запрещен властями. Оставшиеся в живых шаманы были посажены в тюрьмы и уничтожены, как классовые враги. Тайны шаманов, хранивших секреты методики овладения гипнозом, духовных возможностей человека, как и религиозная философия шаманизма, утеряны навсегда. Могиль-

ные срубы в надгробьях шаманов прервали связь времен и поколений на все времена, а обеты святости произнесенных ими клятв навеки останутся священными тайнами.

Шел 1937 год. Весной в Усть-Илимпию приехали представители "Интегралсоюза" А.И.Инешин и Н.И.Фарков. Они остались довольны работой фактории и предложили отчиму переехать в Инаригду, расположенную выше по течению Тунгуски на полпути в Наканно. Он дал согласие.

Фактория Инаригда располагалась в излучине реки на небольшом склоне в 150 верстах от Усть-Илимпии. Деревушка была небольшая. Среди немногих домов росли высокие лиственницы, на вершинах которых осенью рассаживались табуны косачей, с любопытством рассматривая собак, так азартно лаявших на них. Заслышав визг открывающихся дверей или голоса людей, они перелетали на опушку леса, по-прежнему проявляя любопытство к тому, что делалось в деревне. Школы в Инаригде еще не было. Осенью меня отвезли в Наканно в школу-интернат.

Эта школа мало чем отличалась от Ербогаченской. Здесь так же до мелочей была отработана система трудового воспитания и обучения, тот же ежедневный труд, полное самообслуживание и такой же благоприятный для воспитанников режим дня. Все приезжие воспитанники через месяц вошли в заданный ритм. С достаточной долей физических и трудовых нагрузок, с четкими государственными программами обучения, с такими же влюбленными в свое дело педагогами, как и в Ербогаченской школе-интернате, жили воспитанники в Наканно. Коллектив учителей и воспитателей был небольшой. Большинство из них были коренными жителями: Тамара Николаевна Комбагир, Анна Петровна Чапогир, Зоя Афанасьевна Комбагир и молодой заведующий школой Иван Самойлович Плехов. Школа находилась рядом с интернатом. Вся территория школы была обнесена деревянным забором, сохраняя пришкольный опытно-сельскохозяйственный участок от деревенского скота.

Каникулы я проводил у родителей в Инаригде. На краю селения, прямо на берегу реки, стоял большой чум семьи эвенка Баранчука. Его сын Никитка, мальчик со смуглым широким лицом, с узкими щелочками глаз, цвета спелой смородины, был очень общительным и веселым. Он был очень добрым и приветливым. В интернате наши кровати стояли рядом в самом углу, у нас была одна тумбочка на двоих. Мне очень нравился Никитка, и мы были друзьями. Долгими зимними вечерами, после ухода дежурного воспитателя, он, в нарушение правил, поддвигал свою кровать к моей и рассказывал о своей охоте, рыбалке и особенно часто о чудесах его отца-шамана Афанасия Николаевича Куполенова, по прозвищу – "Баранчук".

В зимние каникулы Баранчук приехал специально посмотреть, что такое самолет, который впервые приземлился в Наканно в прошлом 1937 году и был встречен, как рассказывали, с красными флагами. Попутно Баранчук хотел взять сына Никитку домой на каникулы и меня по просьбе отчима.

Летом того же года, когда начала спадать в Тунгуске вода, мы с Никиткой на двух берестяных лодках, зажав зубами длинные шнуры блесен, ловили щук в ближнем заливе. Вернулись в поселок поздно. Оставив берестянки перевернутыми кверху дном на берегу, как это делали все рыбаки на Тунгуске, и засунув под них весла, зашли в чум Баранчука. Отец Никитки камлал (шаманил). У его ног, возле тлеющих углей костра, расположенного в середине чума, сидел человек, накрытый суконной паркой. Человек стонал. Баранчук бил в бубен и громко пел. Присутствующие, поджав под себя ноги и покачивая головой в такт ударам, подпевали шаману.

– Вот здравствуйте, спасибо, что пришли, мои добрые духи, – обратился к кому-то шаман, глядя на открытое отверстие для выхода дыма в потолке чума. Он сел на корточки, низко поклонился, потом резко вскочил и громко ударил в бубен:

– Бугады, бугады, муханэ-муханэ, – закричал шаман. Он стал сильно ударять в бубен, и неистовый звон бубенчиков и

маленьких колокольчиков, разлетевшись по всему чуму, заполнил все оглушительным звоном. Шаман, высоко подпрыгивая, метался вокруг потухающего костра, сдувая вихрем своего движения налет пепла с гаснущих углей. По-прежнему, подняв голову к потолку чума, шаман пел:

— Я слышу духов... я слышу духов-предков...скорее...скорее. Муханэ... Чокогир...спаси душу девочки...ее душу хочет забрать Харги-товар. Отбери у него душу женщины. Вот...вот...Да, да...отбери... гони, гони его прочь, пусть он уходит.

Шаман пел, кричал, звал, прогонял, корчился, извивался всем телом и громко стучал колотушкой в бубен.

— Так-так, Чокогир, теперь верни душу девчонке. — Шаман резко осел на колени, уронив голову на бубен, и стал им вертеть полукружьем. Потом быстро накрыл бубном свою голову и лег у костра, на выжженную землю. Колотушка, с изображенной на ее конце головой лося, откатилась в сторону. Пальцы скрюченных рук расползлись в разные стороны, стали медленно и бессильно царапать остывшую золу костра. Шаман чуть слышно прощался с духами. Двое мужчин сняли с шамана бубен, переложили его на оленью шкуру и увели больную девочку в деревню. Шаман, укрытый паркой, спал.

Никитка потом с гордостью сообщил о том, что девочка стала здоровой.

Однажды, это было уже в конце августа, Никитка позвал меня в свой чум. Отец его должен был в этот день шаманить. К нему приехали люди из соседнего стойбища: Лонтогир с женой, Норговуль и Илья Чемда. Никитка слышал, как они рассказывали, что видели необычные, большие следы возле разодранного оленя на песке на берегу речки. Следы были намного больше, чем у медведя. Несъеденное мясо оленя было развешено большими кусками высоко на тонких деревьях, на которые бы медведь забраться не мог. Они рассказывали, что в ту же ночь около их стойбища на берегу реки кто-то перевернул все их лодки, разбросал греби и переломал все вешала для сеток.

В ту ночь сильно лаяли собаки. На песке утром люди обнаружили те же следы, которые были возле убитого оленя. Через несколько дней скоропостижно умерли два нестарых эвенка.

Когда мы с Никиткой подошли к чуму, камлание уже началось, потому что были слышны удары бубна и громкий голос Баранчука. Он просил кого-то о помощи. Когда мы вошли в чум, шаман стоял на коленях у тлеющего костра и бросал в него маленькие кусочки хлеба. Он был в большом возбуждении. Вдруг он вскочил на ноги, откидывая после каждого удара бубен то в левую, то в правую сторону, и стал кружить по часовой стрелке вокруг костра. Он просил духов Чокогир избавить людей от злого духа, от страшного пришельца, выгнать его из угодьев, сжечь в огне, утопить в воде, закопать в землю.

Возбужденные люди в чуме поддерживали шамана одобрительными возгласами, устрашающими движениями и выкрикивали проклятия злому духу. В чуме царила нервозность, которая никого из присутствующих не могла оставить равнодушным. Организатором этой силы коллектива был шаман. Каждый из присутствующих по-своему выражал ненависть к неизвестному пришельцу, каждый ощущал свое прикосновение к силам запредельного мира, способного, по их мнению, с помощью шамана изгнать злого духа с их территории. Эта забота становилась делом не только шамана, но и всего рода.

Шаман с огромнейшей энергией взывал к помощи Бупа — духа неба, взывал к бурканам и сэваки — духам тайги, он просил их избавить его народ от злых пришельцев. В награду за это люди дадут духам белого оленя...

Когда окончилось камлание и был совершен ритуал жертвоприношения (по своим главным элементам, как и камлание, он одинаков у всех народностей Севера), шаман Баранчук, устало шагая, вошел в чум и лег на оленью шкуру, отвернувшись от людей. Он погрузился в забытье. Когда мясо оленя было сварено, шамана разбудили, и началась общая трапеза, жертвенная часть из которой была отдана духам.

...Весной следующего года отчим неожиданно уволился. Погрузив вещи на шитик, мы всей семьей двинулись к Туруханску, до которого было почти полторы тысячи верст.

****

В первые дни войны отчим ушел на фронт. Но воевал он недолго. В конце 1941 года, будучи на Карельском направлении, он попал в плен. До самого конца войны он работал на хозяйстве у фермеров сначала в Швеции, а затем в Норвегии. Более года после освобождения из плена (в период перепроверки всех обстоятельств пленения) он работал на угольных шахтах в Ткварчели. Затем вернулся на Север. Однако он был принят в своих бывших начальствующих кругах не как герой и вынужден был снова "колесить" по России, чтобы найти себе место. Перед отъездом отчим рассказал наконец-то, почему он "бежал" из Коканда и вынужден был всю жизнь скрываться в самых отдаленных местах Восточной и Западной Сибири, бесконечно меняя место жительства.

Однажды летом, когда отец работал в городском отделе ОГПУ в Коканде, ему поручили отвезти пакет секретных документов в Ташкент. Об этих документах он знал одно, что они касались Фадзулы Ходжаева, одного из первых руководителей Узбекистана. Но на первом же полустанке, когда отчим переходил из одного вагона в другой, в тамбуре к нему подошли два незнакомых узбека и отобрали все документы, показав на колеса вагона:

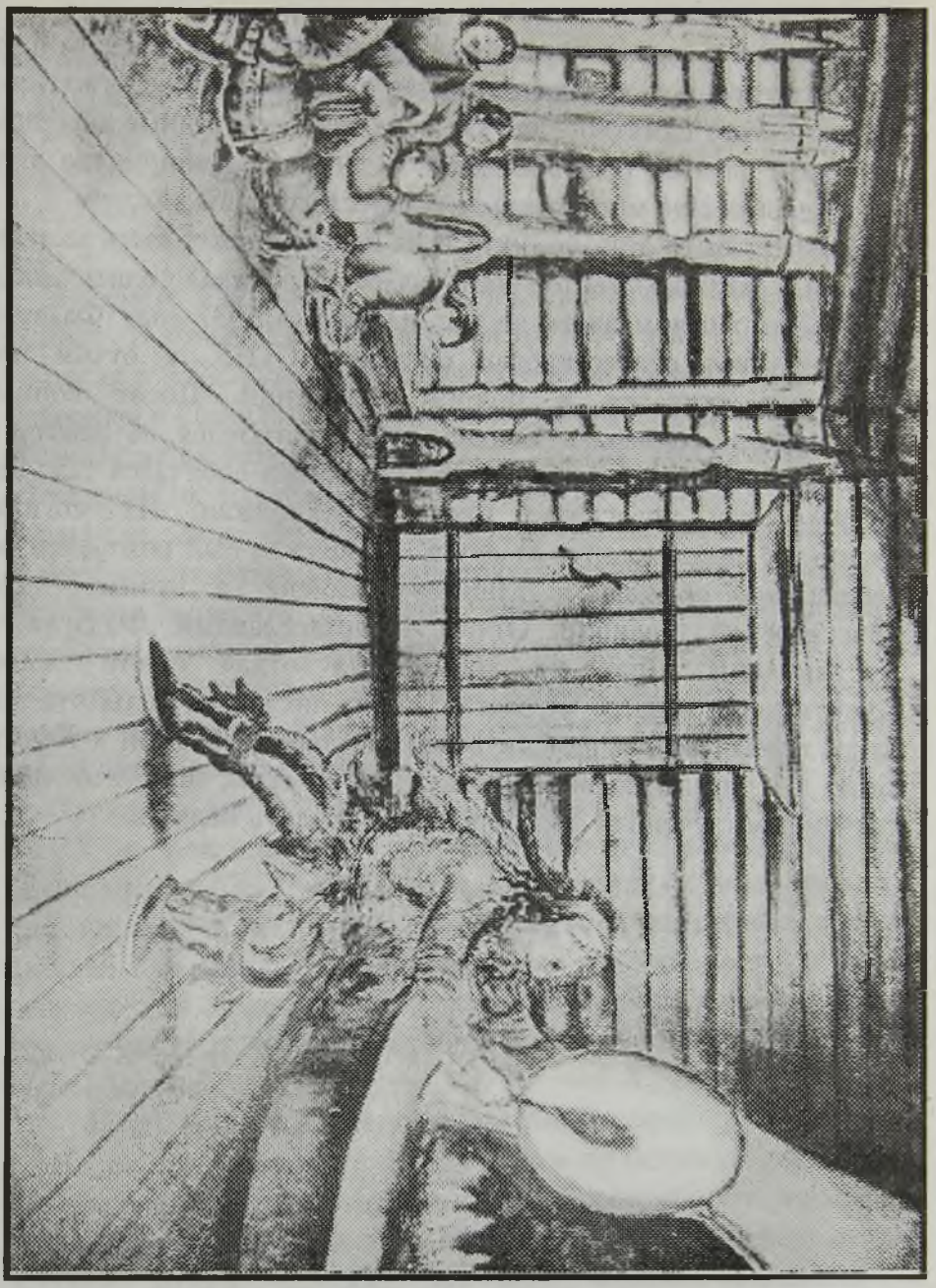
– Будешь там, если не уйдешь с этой работы.

Ни до, ни после этого случая отчим не встречал этих людей. Но предупреждение их было настоль серьезным, что реальность его исполнения не вызывала никаких сомнений. Вернувшись в Коканд, отчим доложил по всей форме начальству о случившемся. Был тотчас арестован, но через сутки был осво-

божден из-под ареста и уволен из органов ОГПУ. Именно в ту ночь в тревожном объяснении с матерью они решили бежать из города. С того памятного случая начались бесконечные переезды по самым глухим, редконаселенным поселкам Сибири, где в те годы человек еще мог укрыться от преследований властей.

А может быть отчима никто и не искал? Может быть за этим случаем кражи документов была чья-то хитроумная политическая игра? Этого отчим знать не мог. Однако в 1937 году Фадзула Ходжаев был репрессирован органами ОГПУ, а отчим по-прежнему скитался в полном неведении. После войны, вернувшись с Севера в Коканд, отчим устроился на работу в садоводческое хозяйство и на 75 году жизни скончался там, где умереть ему предсказал Фурхат Закирджан. Их могилы оказались недалеко друг от друга. Закирджан был похоронен по узбекскому обычаю в глиняном склепе, а отчим — по христианской традиции. Отчим — православный, Фадзула — мусульманин. Прах их обоих был отдан одной земле. Предсказания старого Фурхата сбылись несмотря на то, что эти люди принадлежали разным верам, но дороги их вели к Храму. Было ли предсказание Фурхата магическим, или это было случайным стечением обстоятельств — судить нелегко.

♦♦♦

Шаман.

ШАМАН ЮНУС ИЗ РОДА МУГГАДИ

Нижняя Тунгуска от поселка Наканно делает резкий поворот с севера на запад и в этом направлении течет до самого впадения в Енисей. Ниже окружного центра Эвенкийского округа – Туры Тунгуска входит в узкий коридор с крутыми берегами. И чем дальше на запад, тем выше горы, тем ближе сходятся берега, образуя стремнины, пороги и перекаты. Осенью они представляют большую опасность. На Большом пороге течение настолько быстрое (речное русло здесь не более 50 метров), что катера вынуждены выносить тросы на берег, зачаливать их за валуны и с помощью лебедок судовых машин, работающих на полную мощность, с трудом подниматься вверх по течению.

Весной, когда вода поднимается над камнями, лодки и шаланды, скрипя всеми швами построек, стремительно проносятся по фарватеру между двумя потоками ревущей воды. Они с такой головокружительной быстротой выносятся бушующими потоками на широкое, спокойное плесо, что люди, еще не успев как следует испугаться, с удивлением смотрят на водный коридор, по которому только что пронеслось их суденышко.

За Большим порогом Тунгуска имеет множество глубоких водоворотов ("воронок"), которые местные жители называют "уловами" или "корчагами". В восьми километрах от устья Тунгуски находится Большая корчага, шум которой слышен летом в центре Туруханска в кинозале, в момент демонстрации фильма. Об этой воронке старожилы рассказывали, что если

запустить туда ель прямо с сучьями и корой, то через некоторое время она вынырнет совершенно чистая и белая, как стеариновая свечка. Таких удивительных мест по этой реке на протяжении почти трех тысяч километров немало.

На всем своем протяжении, от истоков до устья, река поражает не только красотою ландшафта. Главная ее привлекательность — в ее молчаливом величии, в угрюмости и нетронутой первозданности. Зеркальная гладь ее плесов, многоцветная гамма таежных красок, овеянные легендами величавые сопки, бесконечные лесные просторы и безлюдье придают ей неповторимую прелесть.

Последняя остановка перед Туруханском состоялась в лагере всесущих геологов. Они расположились на левом берегу реки, изрытом шурфами и захламленном насыпями пород. Геологи встретили нас весьма гостеприимно. Было видно, что они очень довольны своими изысканиями и охотно рассказывали нам об открытых ими огромных запасах каменного угля и графитов. При прощании они предупредили об опасности, которая ждет нас на подъезде к Туруханску. Они имели ввиду Большую воронку, которая, закручивая воду, проваливала ее с огромным шумом, по рассказам старожилов, в подземный коридор, по которому Тунгуска сливается с Енисеем.

Много легенд и загадок хранит Тунгуска. Одна из них — Тунгусский метеорит.

Из Туруханска путь наш лежал на реку Таз по Енисейскому (Туруханскому) волоку, по которому когда-то, почти четыреста лет тому назад, пролегал путь к "Златокипящей Мангазее", овеянной тысячами легенд, освоенный русскими первопроходцами еще в начале XVIIвека.

Небольшой катер, взяв караван мелких судов с грузами, спешил доставить их на Янов-Стан — центр национальных поселков рыбаков и охотников. Минуя реки Большую Блудную и три безымянных речушки, затем Круглое и Подволочное озера на лодках (катер ушел с небольшим караваном в Янов-Стан по

реке Турухан), водный путь здесь прерывался. Предстояло по бывшей конно-рельсовой дороге, которая давно уже была заброшена, переправлять грузы и лодки по волоку. На этом пути самым достопримечательным местом было озеро Круглое. Оно поражало не только идеальной формой своей округлости, но и своей величественной красотой, тишиной, совершенным безлюдием, жертвенными и святыми местами кочующих охотников и оленеводов.

На возвышенном берегу озера полвека тому назад в малодоступной тайге селькупы (предки древнейших народов "муггади") приносили сюда жертвы своим духам водных стихий. Здесь было много священных мест с изваяниями деревянных идолов, с остроконечными головами на высоких пнях, с обвязанными разноцветными платками, лентами и кусками материи стволами деревьев. Здесь были обиталища лесных и водных духов. Здесь еще сохранились "храмы", где когда-то совершались шаманские ритуалы.

Озеро Круглое на всю жизнь осталось в памяти как неповторимая картина дивного "кусочка Швейцарии". Теплый вечер сменила белая ночь. На высоком берегу озера густая, плотная тайга расположилась по обе стороны песчаного откоса. Опрокинутая в перламутровом небе, она тихо плыла в безмолвном просторе белой сибирской ночи.

Противоположный берег озера, заросший ивняком и черемухой, над которыми возвышался могучий вечно-зеленый кедрач, с красно-медными стволами сосен, четко смотрелся на фоне нежно-розовой негаснущей зари. Все это было охвачено вечным безмолвием. Глядя на эту благодать, не верилось, что в мире, созданном Высшим разумным существом, могут жить жестокость, насилие и злоба.

Хранителем этих священных мест был старый селькупский шаман Този. Пятьдесят лет тому назад такие священные места у русских пришельцев не вызывали никакого любопытства. Они не подвергались ни разорению, ни разграблению. Древнее, и в

определенной мере универсально почитаемое отношение инородцев к своим владыкам лесного и подводного мира, мало интересовало простых людей. К чужой вере и их священным местам русские люди питали одинаковые чувства глубокого и почтительного уважения.

От берега Круглого озера, в самом начале Туруханского волока, который протянулся до речушек Волочанки и Покольки, было полтора километра. У самой воды, в начале волока, стоял срубленный из бревен длинный амбар с дощатым пристроем, в котором хранилась "куба-оду" — шкура-лодка, которая предназначалась в качестве волокуши при перекочевках и перетасках. Тут же стояли телеги, снятые с осей, и запасные колеса, обитые железом; висела конская сбруя, крепко пропитанная дегтем. На другом конце волока, тоже очень близко у берега, стоял такой же амбар. Никаких признаков жилья поблизости не было. Куда и почему отсюда ушли люди — оставалось загадкой.

Туруханский (Енисейский) волок был давно уже заброшен. Сама лесная просека волока заросла мелколесьем из молодых сосен и берез, покрылась зарослями густого багульника, этим дивно пахнущим растением, которое не случайно получило название сибирской розы. На пологих берегах волока росли кусты голубики. Обнаженные участки дороги были плотно переплетены корнями деревьев, стлаником и цветистыми мхами. Только на высоких ухабах были еще видны лежки конно-рельсовой дороги и кое-где торчали оси с колесами от тележек, остатки которых валялись недалеко. Как-то не верилось, что в этой невероятно дремучей глуши когда-то пролегал оживленный путь к златокипящей столице Сибири — Мангазее.

Речки Поколька, Волочанка и Парусная, которые начинались уже на другом конце волока, и впадающий в приток Таза — Худосей были очень узки. В самом истоке они были настолько малы, что лодка едва могла развернуться между берегами. Речки текли в сплошных зарослях ивняка, берез и черемух, и казалось

порой, что лодка плывет в зеленом коридоре, как по парковой аллее. Места здесь красоты неописуемой. Одно есть здесь зло, которое отравляет всю эту прелесть летом, — это тучи комаров и мошек. Зато весной и осенью по красоте своей и благостному величию дремучей тайги, прорезанной тысячами речушек, рек и озер, — трудно найти места для сравнения. На этой земле с древних времен жили энцы — рода Муггади. Именно здесь, на этих землях, в начале XVII века возникла "златокипящая Мангазея", расположенная в 300 верстах от устья Таза.

На всем пути по реке Худосей нам встретились два поселения энцев — Нензиных и Напозеевых. В стане Напозеевых жил старый шаман Юнус. Ему было семьдесят лет. Однако он выглядел моложе и был физически здоров. Причина тому — ежедневный физический труд — этот извечный кладезь здоровья и мудрости, далекий от суетности цивилизованного мира. Постоянное общение Юнуса с природой сделали его сильным и честным человеком. Это реальное осознание себя как частицы природы не мешало ему жить заботами и думами иного, запредельного мира, погруженного в мистические тайны и шаманские ритуалы.

В стойбище Юнуса мы прожили больше недели. По заданию Туруханского "Интегралсоюза" отчим занимался контрактацией договоров на заготовки предстоящего осенне-зимнего промыслового сезона среди местного коренного населения. Дела шли успешно, и в свободное время отчим и старый Юнус вели разговоры о вере, Христе, шаманах.

Юнус хорошо говорил по-русски. Мысли его были четкими, слова — простыми и весомыми. Его речь была без пустословия и дежурных фраз. Было хорошо видно, что при разговоре у него больше была загружена мысль, нежели язык.

— Шаманы разные, как все люди, — неторопливо говорил Юнус. — Есть ворожеи, которые лечат людей. Если шаман откажет больному в помощи, то духи ему не простят. Они могут от такого шамана уйти, отобрать у него удачу на охоте, на

рыбалке, отобрать пищу или даже могут царапать когтями, бить по лицу тынзяном, ремнями оленьих упряжек. Духи могут такому шаману послать болезнь. Шаман всегда должен помогать людям, такая его клятва.

— Но ведь шаманы не только лечили людей. Они могли узнавать прошлое и говорить людям то, что с ними будет.

— Да, да, — согласился Юнус, — шаманы были разные. В роду Муггади, старики рассказывали, шаман Саларта, который жил на Худосее, был колдуном. За камлание он деньги не брал, но он все равно боялся властей и колдовал только тайком. Он шаманил только в новолуние. Когда всходила луна, он бросал ей монетки. Он видел в "том" мире много молний и слышал много грома, там же он видел судьбу человека. Там он искал людей, которые воровали оленей... В таком камлании, рассказывали старики про Саларта, он становился другим: злым, сердитым, громко на кого-то кричал, кого-то сильно ругал. Он был самый большой шаман из рода Муггади.

Другой шаман из нашего рода — Сойта, когда камлал, пел песни, играл на нерс-юхе, умел ворожить и предсказывать наперед. Шаман Лодоседа отгадывал сны, мог ходить босыми ногами по горячим углям, колоть себе живот большим ножом, прокалывать себе спину.

Юнус называл многих старых шаманов, которые каждый по-своему могли делать многое. Во всех его рассказах угадывалось какое-то внутреннее знание народной медицины, народных былин и сказаний, примеров, с помощью которых шаманы, используя музыку, танцы и пение, подчиняли своей воле людей, владели той непонятной силой, которая до сих пор остается не более ясной, чем явление гипноза. Из рассказа Юнуса было также понятно, что некоторые шаманы не имели таких способностей, они просто обманывали народ. Но, как говорил Юнус, таких было мало.

Шаманами были и женщины. Шаманка Салерта, которая жила в устье Худосея, умела ворожить, говорить голосом белки,

бурундука, глухаря. Когда все звери "собирались" в чуме, она разговаривала с ними: "...стой...стой... я тебя стреляю...ага, попала... упади... упади".

– Расскажи, чему учил тебя отец?

– Отец много умел, многому учил. Он показывал, какие травы надо знать и собирать, как заговаривать разные болезни, учил петь, играть и плясать. Он учил "летать" к духам в "верхний" мир, разговорам с духами. Когда "разговариваешь" с духами и шаманишь, надо поминать Нуми-Торума, Христа и Николу-Чудотворца. Они делают шамана сильным. Отец учил меня выбирать себе "своих духов". Он знал духов своего деда Таучия и Паравы. Теперь я знаю своего духа – это дух моего отца Выруя. Когда надо, я обращаюсь и к другим духам. Это можно. Но отец звал на помощь только тех духов, которые делают добро. Злых духов он не любил.

Юнус рассказал, что у него было восемь праздников в году, когда он в моменты новолуний камлал: осенью, когда видел последнюю стаю казары, улетающей на юг; весной, когда на чуме видел первую сосульку и прилет ворон и уток; осенью, когда видел первые желтые листья на березах. Зимой у него тоже было четыре праздника, из которых он особенно почитал Покров.

Юнус поведал и о том, что его отец знал все тринадцать полных лун, но он говорил, что необязательно камлать каждый раз, надо тогда, когда чувствуешь в себе силу и не болеешь.

Через несколько дней мы простились с семьей Юнуса. Предстояло проделать последний отрезок пути до Красноселькупа. Это село располагалось на правом берегу Таза. В нем в то время была начальная школа, медпункт, сельский Совет, почта, но самой крупной организацией было торговое предприятие, в котором начал работать отчим.

Коренные жители – селькупы. Внешне они больше похожи на европейцев. Хозяйство их было традиционным – рыбалка, охота и оленеводство.

В школе в те предвоенные годы работали Иван Васильевич Потылицин, его брат Николай Васильевич и первый учитель этой школы, ее организатор — Антон Альфонсович Журавский. Он был в годы гражданской войны царским офицером (так о нем рассказывали старожилы), затем перешел на сторону Советской власти. Был он уже пожилым человеком, жил без семьи, вел крайне замкнутый образ жизни и никто не знал о нем никаких подробностей.

Заведовал школой Николай Васильевич. Человек высокого роста, худощавый, замкнутый в себе. Он мало общался с учащимися, был строг и не вызывал у учащихся никаких симпатий. Его брат — Иван Васильевич, был ему прямой противоположностью: небольшого роста, крайне подвижный и общительный. Казалось, в школе он один вел все кружки, начиная от драматического и кончая спортивными, несмотря на свою хромоту на левую ногу. Он всегда был весел и оживлен, окружен детьми, которых он искренне любил, и они ему платили взаимностью. Он очень любил рисовать. Ему очень хотелось писать картины масляными красками и поэтому все старался (за неимением их) соединить акварель с маслом. В такой глухомани масляных красок не было.

Шел 1939 год. В четвертом классе меня сблизила дружба с селькупским мальчиком Ильей Вануйто. В первые дни зимних каникул Илья пригласил меня к себе в стойбище, которое находилось от Красноселькупа километрах в 20-ти на берегу безымянной речушки. Он приехал за мной на оленях. Езда на оленях для меня была уже давно привычным делом. Но было в этой поездке необычным то, что упряжкой оленей управлял такой же подросток, как и я.

Позади нарт кружилась вздыбленная снежная пыль, которая белым облаком летела за нами. Нарты скользили быстро, и мелодичный перезвон колокольчиков в оленьей упряжке вселял в душу ощущение полета в каком-то необычном пространстве. Неожиданно нарты остановились среди снежного поля, перед

темной стеной леса. Илья воткнул хорей в снег, накинул на него мгновенно сплетенный узел вожжей, и олени, тяжело дыша, легли на дорогу.

– Сали пост! – улыбаясь, сказал Илья, распрягая оленей, машинально, как фокусник, развязывал сумятицу множества узлов и тесемок упряжки. Затем пояснил, что дом его отца стоит в этом лесу на берегу речки, отсюда совсем недалеко, минут десять ходьбы, а здесь он отпустит оленей для пастьбы. Он сдвинул с дороги легкие нарты, и минут через пятнадцать нас встречала семья Вануйто. Поражала чистота и порядок в доме обрусевших селькупов, довольно опрятный и привлекательный внешний вид отца, матери и двух сестер Ильи.

Несмотря на сплетенные по старинке волосы старшего Вануйто в две косы, его лицо было красивым, с мужественным профилем, с какой-то удивительно гордой посадкой головы на широких плечах. В углу избы висела икона с ликом Николая Чудотворца, окаймленная с обеих сторон веерообразно развернутыми по стене черными хвостами лесных красавцев косачей.

Семья Вануйто была из древнего рода Муггади (люди леса), давно уже приняла язык своих поработителей – ненцев, переняла их обычаи и обряды. Энцы, как и пришельцы, поклонялись хозяину жизни, погоды и оленей – великому Нга, который якобы жил на последнем из семи небес, "ворочал" землей, управлял северным сиянием, но был равнодушен к земным заботам людей. Когда-то великий Нга заставил священную гагару нырнуть в воду (это было еще тогда, говорилось в легенде, когда еще не было суши) и достать в клюве немного ила. Из этого ила и сотворил Нга землю.

Энцы верили, что жена великого Нга – добрая Дья Менъю была покровительницей духов продления рода, а их старший сын – Тодоте, был прожорливым людоедом и насылал на людей всяческие недуги и болезни. Меньшие братья – "нихо" – были хозяевами священных мест и служили посредниками между Нга

и людьми. У воды, у гор, у леса, у севера и юга были свои духи-хозяева.

После крещения энцев большинство из них, приняв христианство, по-прежнему оставались верны своим духам, постепенно обретая двоеверие.

После доброго приветствия отец Ильи Андрей Кириллович (обычно его звали "Вэнго") вновь стал молчаливым и внешне спокойным. Плотно сжатые губы и сдвинутые брови предсказывали напряженную работу его души и разума. Заметив мое смущение, Илья пояснил, что отец сегодня ночью будет шаманить. Об этом его просили соседи Ладукай, Япти и Парава. А перед камланием он всегда бывает неразговорчивым, неласковым и хмурым.

О шамане Вэнго ходили легенды. В одной из книг известного сибирского прозаика А.К.Омельчука я прочитал, что на реке Худосей живет еще "великий шаман", прокалывающий себя ножом и проделывающий всякие иные фокусы. Наверное, речь шла о шамане Вэнго.

К вечеру, до наступления темноты, приехали гости. Кроме жен, Ладукай и Япти привезли своих дочерей. Девочки удалились на женскую половину, в правый угол юрты, и занялись своими обычными хлопотами над самодельными куклами, сшитыми из кусочков меха и цветных лоскутков материи.

Хозяйка угощала гостей. Вэнго сидел с гостями, но к пище не притрагивался. Он беспрерывно курил, редко вступая в разговор мужчин. Затем он вышел из дома, женщины очень быстро убрали посуду и вынесли на улицу все скамейки и стол. Вернувшись, они сели на нары в женской половине и стали ждать шамана. Вэнго принес бубен ("пензэр"), поставил его к чувалу и разложил на полу шаманское одеяние, в том числе небольшой железный обруч с прикрепленными к нему маленькими рогами оленя. Обруч бубна был унизан разноцветным бисером. К нему Вэнго прицепил большую блестящую бляху и сел у чувала. На

обратной стороне бубна к ручке из двух перекрещивающихся брусков он подвязал несколько цветных лоскутков материи. Вся внутренняя сторона бубна была искусно выжжена знаками Зодиака — символами магической силы. Илья позднее рассказывал, как его отец очищал и освящал водой и огнем бубен во время новолуния.

Вэнго встал, поджег от угля кусочек трута и окурил им бубен и свое лицо. Затем он положил уголек в блюдце, отлитое из свинца, окурил всю избу и поставил блюдце на приступок чувала. В юрте было тихо. Эта подготовка к камланию сливала разум и души присутствующих в единое целое: предчувствие мистического постижения того, что лежало в тайнах запредельного мира.

Вэнго поднял над головой бубен, сильно ударил в него колотушкой, рассыпая целый каскад звуков, охвативших таинственой силой своего звучания всех в юрте. Шаман низко поклонился, раскланялся, заглядывая в трубу чувала, и замер в выжидающей позе. Наступила тревожная пауза. Куда смотрел Вэнго, что он видел в черном отверстии чувала? Кого он ждал с таким нетерпением?

В каскаде звуков грохочущего бубна вдруг раздался голос шамана:

— Вот они пришли...пришли духи...Я долго вас ждал. Теперь я слышу — вы здесь.

Вэнго, ударяя в бубен, стал петь. Его пение вначале было монотонным. Затем оно сменилось целой гаммой различных по тональности звуков, которые вместе с грохотом бубна и перезвоном колокольчиков расплывались в широкую полифонию целого оркестра, превращая камлание шамана в сложнейшую музыкально-театральную драму.

Реальный мир исчез. Все утонуло в море звуков и все летело куда-то в бесконечность. Вэнго высоко поднял бубен над головой, всматриваясь в изображение "третьего" мира — мира Вселенной, и внезапно оборвал все звуки. Пауза, полная загадочного молчания, была не менее таинственной и внушительной, чем сама

драма. Она еще больше погружала в какое-то странное небытие, безмолвием обостряя то, что и без того заполнило всю душу.

Шаман снова ударил в бубен и стал высоко подпрыгивать на месте. Казалось, Вэнго парил в воздухе, не касаясь ногами пола. Усыпленное гипнозом шамана сознание рисовало какие-то крылья, крепко скрепленные за его спиной, они несли его в пространство, стремительно и быстро, с каким-то диким свистом встречного ветра.

— Вы слышите...слышите...Все духи предков летят вместе с нами...просите у них ящериц...возьмите их в левую руку...держите их, не отпускайте...оторвите им хвосты, дайте их мне, я брошу их на угли чувала. Смотрите, смотрите как они прыгают на костре. Это ваши болезни и порчи злых духов. Они погибают в огне. Пусть огонь сделается дымом и унесет их из вашего дома...

Все тише и тише ударяя в бубен, Вэнго махнул несколько раз правой рукой, как бы отодвигая от себя невидимых духов, и закричал:

— Смотрите, смотрите, ваши духи идут к вам...спросите их, где ваша смерть, какой вам надо идти тропой. Слушайте, что скажут вам духи. Запомните их слова.

Звуки бубна постепенно становились все тише и тише. Потом наступила полная тишина. Когда прошло оцепенение, я увидел Вэнго, стоящим у чувала, складывающим свои шаманские атрибуты в широкий меховой мешок с аппликациями из белой материи каких-то магических знаков. Задернув на мешке сыромятный плетеный шнур, он поставил его у чувала и внимательно посмотрел каждому в лицо. Постоял так с минуту и вышел на улицу.

Каждый из присутствующих оживлял картину виденного, как книгу будущего, которая раскрыла свои страницы перед ним, затуманила разум, оставляя только смутные очертания предсказаний, ускользающих так же, как сновидение при наших попытках рассмотреть его детали. Долго все сидели молча. Сознание постепенно возвращалось к реальности. Не в таком ли

подсознании хранились образы белокурого высокого человека, убившего на дуэли Пушкина, а магическая сила кудесника гнала Олега к праху любимого коня, ставшего вместилищем его смерти?

Ночь была на исходе. Луна упала за горизонт. Было так тихо над бесконечным пространством лесов и снега, что, казалось, был слышен извечно таинственный шепот далеких, как будто живых, мерцающих звезд.

Мужской танец
древнеобского праздника Елянь (фрагмент).

ШАМАН ВОРСИК-ОЙКА С БЕРЕГОВ РЕКИ МАНЬЯ

Отшумели "враждебные вихри" первой русской революции. Один из ее руководителей – Лев Давыдович Троцкий, будущий председатель Реввоенсовета республики, один из организаторов Красной Армии и Советского государства, был арестован и сослан. В самом начале 1907 года он был переправлен для отбытия срока ссылки в город Обдорск. В Березове, не доезжая 500 верст до Обдорска, он был расквартирован в доме своего будущего спасителя Кузьмы Илларионовича Коровина (партийная кличка "Коровьи ножки"). Коровин был коренастый, невысокого роста, с походкой человека, долгое время бывшего в кавалерии, с умными и строгими глазами. Хотя он и был из рабочих, но по внешнему виду был больше похож на русского сибирского старообрядца.

Революционно настроенный Кузьма Илларионович за участие в большевизации Советов был предан суду, но при вынесении приговора Тобольский губернский комиссар Пигнатти добился для него смягчения наказания. После установления Советской власти на Обском Севере весной 1918 года Коровин был избран членом Березовского ревкома. В 1923 году председатель Реввоенсовета РСФСР Л.Д.Троцкий подписал удостоверение за номером 12380, в котором отмечалось: "Предъявитель сего ...Кузьма Илларионович Коровин ("Коровьи ножки") – старый друг революционеров, оказавший им неоднократно крайне важные услуги в ссылке, побегах из ссылки и прочее. В

частности, мой побег из Березова организовал тов.Коровин, который поплатился свободой, а потом, при белых, едва не поплатился и жизнью...".

Существенной разницы между Обдорском и Березовым не было. Более того, городок Березов был тем захолустьем, в котором отбывали ссылку опальный друг Петра Великого А.Д.Меншиков, канцлер России Остерман с семьей, князья Долгорукие. Учитывая гостеприимство семьи Коровиных, Лев Давыдович решил отбывать ссылку в Березове.

Засыпанный до самых крыш снегом, провинциальный городишко жил своей размеренной, глубоко упрятанной в патриархальное благочестие жизнью. Только перезвон колоколов приходской церкви да шум озорной детворы в ограде уездного училища, открытого здесь в 1820 году, придавали Березову живое дыхание мирской обители. Отсутствие преступлений в нем не востребовало даже обычного острога, совершенно лишнего и несовместимого с "...доброй нравственностью здешних обывателей".

В доме Коровиных всегда было чисто. Как и во всех домах этого заштатного городишка, в квартире Кузьмы Илларионовича стены были обиты шпалерами, стол накрыт белой чистой скатертью, в переднем углу было несколько икон с горящими перед ними лампадами. Лев Давыдович был атеистом, вместе с тем весьма веротерпим. Но при каждой встрече с верующими, или глядя на иконы, он в своем подсознании улавливал сомнения и противоречия, которые он сознательно отгонял, не допуская их логического разрешения из-за боязни победы души над разумом. Преисполненный воинствующим рационализмом, он согласен был с требованиями большевиков об отделении церкви от государства.

Троцкий целыми днями, раскладывая листки исписанной им бумаги, как игорные карты в хитросплетенном пасьянсе, еще и еще раз выверял свои позиции по отношению к теории и практике первой русской революции, проверял свои доводы в

спорах с Лениным и большевиками. Троцкий описывал революцию так, как он ее совершал, будучи одним из ее вождей, вопреки тем, кто писал о ней, ее не совершая, тем, кто мешал ее логическому развитию. Троцкий снова и снова выверял свои позиции, и в них он обнаруживал прочную связь с жизнью России и отчетливо видел их преимущества по сравнению с позициями якобинцев и опасной тактикой большевиков.

А может быть он ошибался? Может быть история революции пойдет иным путем? Может быть большевики правы и видят намного дальше, чем он и его единомышленники? Во всех этих сомнениях не мог Троцкий предвидеть только одного: всего ужаса той трагедии, которую было суждено пережить России после прихода к власти большевиков. И только на склоне своих лет, далеко за пределами своей родины, "прокручивая" события и свои мысли, уже отлитые в металле строк его книг и статей, он обнаружил правоту своих взглядов на единственно верный для России путь, который ей открывался после событий в марте 1917 года.

Упоительно-мирными, по-домашнему уютными были для Троцкого зимние вечера, которые он проводил за чаем в нескончаемых разговорах с Кузьмой Илларионовичем. Лев Давыдович знал, что сибирские крестьяне, не знавшие помещичьего давления, были более богаты, чем землепашцы центральной России. Он понимал, что сибирское крестьянство стоит далеко от политики и от революции. Он был уверен, что крестьянство вообще, тем более сибирское, на революцию не пойдет. Главное требование крестьян состояло в том, чтобы власти отдали землю тому, кто ее обрабатывает. Большевики хотели после своего прихода к власти сделать землю общей. Это крестьянам понять было трудно. С незапамятных времен смутного периода России крестьяне хотели только одного: получить землю в свои руки. Будет земля — будет у них хлеб и свобода.

В разговоре о земле Лев Давыдович и Кузьма Илларионович находили общее мнение. Правда, Троцкий, учитывая пассивность крестьян, с жителями Березова почти не встречался. Да и сами обыватели городка в первые дни поселения Троцкого сторонились не только его, но и Кузьмы Илларионовича, приютившего у себя ссыльного. Но узнав от самого Коровина о чем он разговаривает с Троцким, сельские жители стали маленькими группами навещать квартиру Коровина.

Троцкий был одним из самых лучших ораторов. Рабочие на фабриках и заводах, слушая изумительные по логике выступления, все, как оппоненты, так и сторонники, всегда чувствовали высокий слог, глубину мысли, которые, опираясь на реальную жизнь, не вызывали ни у кого никаких сомнений. А если и появлялись у кого-нибудь какие-то сомнения, то логика убеждений Троцкого была всегда блистательной.

Сколько бы ни были пассивны к революционным преобразованиям сибирские крестьяне, они по-своему обсуждали и оценивали подписанный царем "Манифест 17-го октября", не исключая домыслов и кривотолков. Беседы о "Манифесте" не были крамольными, и березовские миряне хотели услышать о дарованных свободах от столичного человека. Они интересовались, главным образом, экономическими вопросами, сохраняя традиционную верность царю и Отечеству. Правда, и здесь, в таежном захолустье, жестокость полиции или вымогательства незадачливого священника иногда становились причинами "трений", но эти скандалы не переходили в осуждение существующей системы в целом. Троцкий прекрасно понимал, что крестьяне, если и поддерживали социал-демократов или эсеров, то это совсем не означало, что они составляли самостоятельное крестьянское движение, а если оно и было, то по своей сути было консервативным. Часто он приходил к мысли о том, что крестьянство — это сила, склонная к насилию и анархии, как только ослабевает над ней контроль и власть государства.

При свете самодельных лампад беседы Троцкого с крестьянами длились до позднего вечера. Они не утомляли его, наоборот, — они успокаивали мятежный дух вождя революции и вселяли четкий алгоритм в его теоретическую схему дальнейших перспектив русской революции. О них он тоже рассказывал гостям, увлеченный не духом пророчества, а глубочайшими знаниями истории России, ясно представляя дальнейший путь ее развития с учетом расстановки социальных сил и четким пониманием ошибок политических партий, которые боролись за власть. В подробности своих разногласий с большевиками в разговорах с гостями он не вдавался. Но то, что было интересно крестьянам, он рассказывал так, чтобы им была понятна сама суть этих разногласий.

Однажды Кузьма Илларионович за поздним вечерним чаем, когда все гости разошлись, сказал:

— Лев Давыдович, нельзя вам сидеть здесь — надо бежать в Россию.

— В Россию — нельзя, а за границу — нужно, — ответил Троцкий, не задумываясь.

С того памятного вечера началась подготовка к побегу из Березова. Шел март 1907 года. В самом начале апреля Кузьма Илларионович поздно вечером вывез Троцкого на своей лошаденке за село и в березовой роще, где ждала их оленья упряжка, тепло простившись, отправил Троцкого в город Ивдель через Няксимволь.

Время побега было выбрано удачно. Начиналась весенняя распутица. Всякая связь Березова с внешним миром прекращалась, и это усыпляло бдительность властей, обязанных присматривать за ссыльным поселенцем. Единственным, но почти непредвиденным путем, который мог быть использован Троцким, была мало кому известная, редко кем езженная просека, по которой по особой только нужде от паула до паула иногда ездили здешние вогулы. Этой дорогой решили воспользоваться Троцкий и Коровин.

Лев Давыдович впервые видел приуральскую тайгу в ее самых отдаленных окраинах. Она произвела на него сильное впечатление. Больше всего поражала она величественностью своих кедровых урманов и сосновых боров. Они рассекались широкими болотами, сплошь еще покрытыми снежными завалами. Особенно привлекательными ему казались таежные перелески в лунные ночи. Погода стояла тихая и теплая. Спокойная езда под звон колокольчиков оленьих упряжек располагала к глубокому раздумью.

Перед ним довольно четко "пролетали" события последних пяти лет, так сильно встряхнувшие Россию и ее многострадальный народ; борьба различных группировок, так четко размежевавшая противоречия между большевиками и меньшевиками. Но Троцкого больше всего беспокоили пагубность и трагичность позиции большевиков, утопичность и порочность которой так хорошо видели и предупреждали о них Маркс, Плеханов и Каутский. Все беспокойство это сводилось к тому, что тактика большевиков, ошибочность которой исходила из ее конечной цели, лежала через насилие, диктатуру и кровопролитие.

В Няксимволе Троцкий прожил три дня на квартире Трапезникова. Встретили Троцкого по здешнему обычаю тепло и гостеприимно. Семья Трапезникова, его жена и сын, жила на самом берегу Сосьвы — в добротном пятистенном доме. Частыми гостями у Трапезникова были охотники ближних селений, иногда заезжали и из Ивделя. Но шел уже апрель, и гостей из Ивделя уже не ждали. Было решено везти Льва Давыдовича сначала до Самбиндалова Николая Кирилловича, который жил в своем пауле за Усть-Маньей, в Евтын-сос-пауле, а тот отправит его в Ивдель через Бурмантово и Талицу на своих оленях. Этот отрезок пути был самым важным и самым сложным. За Усть-Маньей начиналась малоезженная, мало кому известная дорога по предгорьям Урала. Там заканчивались владения Березовского уезда, там начиналась железная дорога, ведущая в Россию.

К вечеру второго дня после выезда из Няксимволя, не останавливаясь в Усть-Манье, Троцкий проехал в Евтын-сос, где жил Самбиндалов и его сын Николай. Селение состояло из нескольких паулов, в которых жили братья Самбиндаловы с семьями. Почти все они имели по нескольку десятков оленей.

Маленький ростом, очень подвижный проводник — вогул Анемгуров (по прозвищу "Худы Костя") представил Самбиндалову Льва Давыдовича как ученого, изучающего реки Сибири, которого Трапезников просил отправить в Ивдель. Он подал записку от Трапезникова, которую прочитал Самбиндалов и потом бросил ее в костер чувала. Он был грамотным — две зимы учился в Березовском училище, когда там смотрителем был Николай Алексеевич Абрамов.

Николай Кириллович Самбиндалов внешностью был похож на индейца. Черные глаза, как спелые смородины, тонкий с горбинкой нос, необычный для манси, выдавали его невогульское происхождение. Жена — красивая зырянка, родом была из деревни Бурмантово, расположенной в сорока верстах от Ивделя. Каково было удивление Троцкого, когда он в переднем углу довольно просторного и чистого дома хозяина увидел несколько икон с зажженной перед ними лампадой. Домашний "иконостас" был украшен бумажными цветами. Еще больше поразило Троцкого то двоеверие, которое исповедовал Самбиндалов. Он был шаманом, но, как и его жена, был крещен. Как все это совмещалось в верованиях в Иисуса Христа и в духов, Николай Кириллович и его жена поясняли довольно просто: "Бог един". Лев Давыдович, будучи атеистом, мало интересовался богословием, и такой ответ о двоеверии, парившем в этом доме, был для него вполне убедительным.

Троцкому отсюда предстояло преодолеть путь более чем в сто километров до Ивделя. Сын Николая Кирилловича должен был ехать в Ивдель к знакомому горбатому сапожнику Ивану Ивановичу Шаршину, чтобы договориться о временном жилье Троцкого, купить ему билет до Екатеринбурга и вернуться за

Троцким в Евтын-сос-паул. На это должно было быть потрачено пять дней.

Весна не торопилась. После некоторого потепления подул холодный ветер, временами шел снег. Лев Давыдович, сидя у теплого чувала, делал кое-какие записи в блокнот. Когда Николай Кириллович возвращался с охоты на боровую дичь или с рыбалки, они до поздней ночи вели разговоры о недавних событиях в России, о которых Самбиндалов знал от знакомых зырян понаслышке. Он с большим интересом расспрашивал о них у Троцкого. Николаю Кирилловичу оставалось только удивляться тем подробностям, о которых рассказывал ему гость, не ведая о том, что перед ним сидел один из вождей первой русской революции и председатель Петроградского Совета рабочих депутатов. В целях конспирации Троцкий рассказывал таежному охотнику о событиях революции, как один из ее участников.

Николай Кириллович не ради простого любопытства хотел знать, чего добивались люди, поднимаясь на борьбу друг с другом. Слухи и отрывочные известия о борьбе за землю и власть доходили до таежных окраин в разных толкованиях, разобраться в которых было трудно. Когда же Лев Давыдович рассказал о позиции большевиков, о национализации земли, старый охотник не мог себе представить, как охотники будут добывать пушного зверя, соболя, дикого оленя, если земля будет общей. На миг он представил себе большую деревню, в которой живут много-много охотников. У них все капканы, ловушки, сетки, олени, лодки, собаки — общие. Общие угодья: реки, озера, тайга. Ему было совершенно непонятно, как могут люди все враз пользоваться одним и тем же. Поэтому он полностью разделял точку зрения Троцкого, который говорил, что общая земля — это ничья земля, что она, как и угодья охотников и рыбаков, должна иметь постоянного хозяина.

— Если земля будет общая, к нам придут русские. Они заберут наши земли и угодья и станут их хозяевами? — спросил старый охотник.

— Да. Большевики и Ленин хотят сделать землю, леса и реки общими.

Как ни пытался таежный человек представить себе это, сделать этого он не мог. Видя недоумение Самбиндалова, Троцкий спросил:

— А как ты считаешь?

— Я, да и наш весь народ хотели бы, чтобы у нас были у каждого свои угодья. Они не могут быть общими. Такого никогда не было.

Когда Троцкий стал рассказывать о равноправии наций и о национально-культурной автономии, как главной сути равноправия, старый охотник это быстро и хорошо понял. Он, как бы убеждая себя в правоте своих выводов, сказал, что все нации равны:

— Они должны быть ни "над", ни "под".

Троцкий невольно улыбнулся столь лаконичному определению права нации на самоопределение и остался доволен таким пониманием сути национально-культурной автономии.

На второй день стало теплее. Ветер утих. Над тайгой поднялось солнце. Троцкий, выйдя из избы, увидел высокие сосны, темный кедрач на берегу речки. Он был поражен этой изумительной красотой приуральской тайги. Слева был слышен отдаленный шум падающей воды.

— Что это за шум? — спросил Лев Давыдович у Самбиндалова, сидевшего на пустой нарте, очищая ивовые прутья для гимги.

— Это перекат на речке, — нехотя ответил Николай Кириллович, быстро работая ножом, снимая кору с длинных прутьев ивы.

— Я пойду посмотрю.

— Только выше переката ходить не надо. Гору увидишь — иди обратно. За горой живет Ворсик-Ойка. Я — его хранитель. Туда могут ходить только люди нашего рода. Это наше священное место.

Тропинка к перекату шла по самому берегу речки. На открытых местах тропинки, на которых уже сошел снег, были хорошо видны корни деревьев, переплетенные в тугие узлы, похожие на гладкие, почерневшие от времени кости.

Минут через пять ходьбы Троцкий подошел к большому перекату. Под обнаженным каменистым увалом, на котором росли стройные, высокие, вечнозеленые сосны с медно-золотистыми стволами, перекатываясь по большим сглаженным валунам, стиснутая в узких берегах, как в котле, с шумом плескалась вода. С камней скатывалась прозрачная волна, и ее пенистые гребни медленно растекались по омуту. Эта картина в тесном зеленом коридоре хвойной тайги, освещенная теплым апрельским солнцем и далекой сизо-голубой синевой неба, была таинственно-величавой и торжественной. Сглаженность рельефа и каменистый увал, заросший лесом, напоминали о предгорьях Урала. Здесь все реки текут поперек Каменного Пояса, образуя пороги и перекаты в глубоких долинах.

Долго стоял Лев Давыдович у шумного переката, удивленный и очарованный этим чудным уголком дикой природы. Именно в эти минуты он с большей остротой ощутил весь ужас братоубийственных событий на Красной Пресне в декабре 1905 года, когда в грохоте выстрелов совершалось чудовищное кровопролитие. Такое зло творят люди, а какое умиротворение разлито в природе. Троцкий впервые ощутил, именно здесь, всю пагубность и глубину разрыва между человеческим злом и философией незримо мыслящей природы. Видимо, прав был великий Жан Жак Руссо, когда звал людей обратно в природу.

Не удержался Лев Давыдович, чтобы не заглянуть за увал, где было священное место, охраняемое Николаем Кирилловичем. Пройдя метров сто по тропинке, обогнув увал, Троцкий увидел

на самом берегу избушку на четырех невысоких столбах-опорах, приставная дверь которой запиралась двумя поперечинами, вложенными в железные скобы, вбитые в косяки. Чуть дальше были видны остатки старого столба, обмотанного разноцветными тряпками, и длинное бревно у большого кострища с несгоревшими остатками поленьев, торчащими из-под снега.

Метрах в десяти от столба стоял деревянный идол, грубо вырезанный из толстого ствола, высотой более метра. Голова идола занимала третью часть всего обрубка, со снятой до самых корней корой. С двух сторон лицевой части были сделаны глубокие плоские выемки, образующие глазные впадины и щеки, прямой и длинный нос, широкой поперечиной обозначенные брови и таким же образом сделанные глаза. На короткой шее были привязаны полоски белой и красной ткани, которые вздрагивали при каждом движении ветра. Вся эта вместе взятая картина производила какое-то тяжелое впечатление и невольно вселяла какой-то мистический страх.

Не от ощущения святости, а от присутствия каких-то, как показалось Троцкому, реальных физических существ, он поспешил уйти от святилища, где совершались ритуальные варварские обряды. Вернувшись к перекату, он снова остановился, охваченный восхитительным зрелищем, и, умиротворенный каким-то необъяснимым чувством сопричастности к этому величавому чуду природы, он вернулся в мансийский паул.

Не доходя до дома Самбиндалова, еще в лесу он услышал разговор многих людей и перезвон колокольчиков оленьих упряжек. Это были приезжие, потому что Николая ждали только на следующий день. Когда он вышел из леса, то увидел у дома Николая Кирилловича нескольких мужчин, которые, взявши на руки лежавшего на нартах человека, внесли его в дом, стоящий рядом с домом шамана.

— Привезли больного, надо ему помогать, — пояснил Николай Кириллович.

От Трапезникова Лев Давыдович слышал, что Самбиндалов был большим шаманом: мог угадывать будущее, лечить людей, знал заговоры. В округе ходили различные слухи о чудесах и фокусах, которые так искусно демонстрировал шаман зрителям. Выдался случай увидеть камлание шамана, и Лев Давыдович попросил Самбиндалова разрешить ему посмотреть, как он будет лечить больного. К удивлению Троцкого, шаман охотно согласился, выражая этим самым большое уважение и доверие русскому гостю.

– Камлать я буду ночью, – сказал шаман. Он взял пучки сухих трав, принесенных им с вышки, от которых шел острый запах, и стал растирать их ладонями, рассыпая их на семь небольших кучек. Он долго смешивал одни травы с другими, что-то нашептывал, ссыпая их в две большие железные кружки. Оставшиеся смеси он завязал в отдельные тряпицы и положил их за пазуху своего совика. Затем он сел возле очага, поджав под себя ноги, уперся своим взглядом в горящие угли чувала и, отрешенный от всего, просидел в таком положении не менее часа.

Когда совсем стемнело, Николай Кириллович принес из амбарчика шаманский бубен и кивком головы пригласил Троцкого следовать за ним в соседний дом, где лежал больной. Они вошли в паул. В доме было тихо. Слева в углу, у входа, в чувале горели дрова, поставленные вертикально. Над ними висел большой медный чайник с кипящей водой.

Больной лежал на нарах, накрытый красивой женской малицей. По обе стороны от него сидели мужчины, негромко переговариваясь друг с другом.

Николай Кириллович сел к чувалу, поставил к нему бубен, чтобы нагреть его кожу от огня. Он сидел к мужчинам спиной, смотрел на горящие в чувале поленья и что-то негромко шептал. Сидя в прежней позе, шаман, глядя в дымовое отверстие чувала, начал часто, но не громко, стучать в бубен колотушкой. Затем, быстро вскочив на ноги, он закружился на одном месте, сгорбившись и по-прежнему заглядывая в дымоход чувала. В

грохоте бубна и перезвона подвесок, прикрепленных к внутренней его части, было слышно, как шаман кого-то звал. Встреча его с вызванными духами застала всех врасплох.

— Пася олэн, здравствуй, — обратился шаман к тому, кто пришел с такой откровенностью, от которой незримое ощущение пришедших духов вселяло в присутствующих магический ужас. Лев Давыдович тоже ощущал присутствие какой-то необъяснимой силы, но, не видя ничего собственными глазами, он не хотел верить своим ощущениям. Однако это было сверх его сил. Не верующий, он не верил, но страх суеверия был сильнее разума и он невольно охватывал всю душу человека.

Тем временем шаман убедительно просил "пришедшего" к нему духа о том, чтобы он показал ему злого человека, напустившего хворь на больного.

— Вот...вот..знаю...вижу. Это казымский остяк...белый старый горбун. Это он, — сказал шаман и лег на пол возле чувала. Так он лежал минут пять. Жизнь будто покинула его. Он лежал с закрытыми глазами, и бубен, упавший на его грудь, не выдавал его дыхания. Это искусство души покидать свое тело, искусство умирать, оставаясь живым, умирать прежде, чем наступит смерть, было доказательством того, о чем читал Троцкий когда-то, не предполагая увидеть это чудо наяву.

Шаман, резко вздрогнув, вскочил на ноги и заметался около чувала. Положив бубен и колотушку на больного, он, растопырив пальцы рук, стал быстрыми движениями как бы сдирать и выбрасывать что-то только ему видимое и "бросать" это в огонь чувала.

Он снова сильно и дробно застучал колотушкой по бубну и по каскаду только ему понятных восклицаний можно было догадаться, что он взял на себя хворь больного и просил духа вернуть эту болезнь белому горбатому остяку с Казыма.

— Сам...сам, белый горбун, возьми эту хворь себе. Если сможешь — лечись, — восклицал шаман, посылая белому горбуну те же заклятия, которые тот напустил на свою жертву.

— Да, да, седой горбун — злой человек, — вторили ему приезжие манси, — он много людей увел по дорогам в царство мертвых. Пусть Бог его накажет за это.

Плохая слава ходила за "черным" шаманом с белой головой, который жил в самом верховье Казыма. Тосман-Ойка был седым и горбатым, очень мрачным и злым. Люди замечали, что после встречи с ним приходила беда или неудача. Его боялись и, по возможности, избегали с ним встреч.

Камлавший шаман Самбиндалов, положив у чувала бубен и колотушку, приподнял над тлеющими углями чувала перевязанный на веревочке нож и, взяв его двумя пальцами левой руки, стал внимательно смотреть на вращающееся лезвие. Когда нож повис на веревочке и стал неподвижным, шаман закричал:

— Вижу...вижу... Жить будет Евлашка. — Он подошел к родственнику больного, отдал ему приготовленные травы и рассказал, как готовить из них отвары и настои.

Шаман сел к чувалу, прислонился плечом к стене и, глядя на тлеющие угли, устало и медленно стал качать головой. Это было знаком прощания его с духами и окончания камлания.

Приезжие взяли больного на руки, вынесли его из избы, уложили на нарту и, покрикивая на оленей, уехали из стойбища.

— Это правда, что больной поправится? — спросил Лев Давыдович у шамана.

— Да, — ответил уверенно шаман. — Так мне сказали духи. Моя душа и мой дух ходили далеко в верхний мир. Там я слышал от духов то, что сказал людям. Я говорил правду.

Троцкий, заинтересованный даром пророчества шамана, спросил:

— Можешь ли ты предсказывать судьбу?

— Да, — ответил шаман вполне категорично, и Лев Давыдович решил просить шамана предсказать его судьбу.

Шаман взял Троцкого за кисть руки, внимательно посмотрел на бороздки ладони, стал быстро водить своим указательным пальцем по мелким морщинкам.

— Хорошая твоя судьба... Ты будешь большим человеком... Но умрешь ты в старости далеко от родины от злобы своих родственников или очень близких людей.

Все это было так неожиданно, что Троцкий, чтобы скрыть свои сомнения, перевел разговор на камлание.

— Как ты узнаешь будущее? — спросил он, полагая, что такой прямой вопрос заставит шамана признаться в несостоятельности того, что в цивилизованном обществе называется спиритизмом, мистицизмом и хиромантией. Однако вопрос не смутил шамана. Он крайне лаконично, но довольно уверенно стал рассказывать о своем методе предсказаний:

— Когда я начинаю предсказывать или шаманить, моя душа теряет тело и улетает в верхний мир, в царство духов. Когда я начинаю говорить с духами, я могу слышать то, что на земле я услышать не могу, я вижу то, что на земле не вижу. Когда я спрашиваю духов, что было или что будет — они мне говорят об этом, а я передаю это людям. Духи знают все.

Долго рассказывал Николай Кириллович о камлании. Много из сказанного не понимал Троцкий, но один вывод для него был бесспорным: в прозрениях детей природы так много слепоты современников-атеистов. Перед Троцким был теософ, кредо которого сводилось к тому, что посредством интуиции можно постичь тайны запредельного, иного мира, используя биотоки бессмертия духов и их пророчества. Перед ним был живой творец необычного постижения другого мира, который мы видим в виде тусклой фотографии — вселенской реальности.

Троцкого удивляла не столько глубина философских рассуждений в самых простых словах старого шамана, а та наивная простота, которая была намного убедительнее лукавства цивилизованной риторики. В рассказе шамана все было выражено просто, хотя и не все понятно, когда его объяснения

переходили на творческие заимствования К.Леви-Строса или Б.Даниельсона, Платона или Аристотеля, произведения которых шаман не только не читал, но и никогда о них не слышал.

Трудно было поверить Троцкому, что в суждениях мансийского жреца было столько мудрости, частицы которой были в рассуждениях Зенона, Борхеса о возможностях человека видеть и знать запредельный мир, таинственный, незримый, вездесущий в пространстве и времени; тот мир, о котором догадывается каждый, но познать его дано только избранным. Это те люди, которых наделяет особой способностью боговдохновенная природа в пророчестве разума Вселенной, как главной сути, противоречащей лживости классического примитивного бездуховного материализма.

Долго сидели два человека у потухшего чувала. Каждый из них, потеряв свою физическую сущность, был в ином мире, растворившись во времени и пространстве.

К полудню следующего дня вернулся Николай из Ивделя. Все было улажено: куплен билет на поезд до Екатеринбурга, найдена временная квартира и соблюдена конспирация. Простившись со старым шаманом, Троцкий на оленьей упряжке отправился в дальнейший путь.

* * *

Последний раз Самбиндалов шаманил перед самой войной. Молодой охотник Константин Константинович Ануфриев из Няксимволя, друг его сына, вместе ходили уже по насту на лосей. Как-то вернувшись с охоты, Константин попросил шамана предсказать его судьбу. Гадание было недолгим. Шаман обычно мрачнел, когда "видел" и сообщал просителю его нескладную судьбу или трагическую участь. Не мог скрыть старый шаман от Константина того, что после страшных испытаний в далеких странах его ждет трагическая смерть в родных местах.

Перед ледоходом старый шаман занемог и через два месяца умер. Его хоронили со всеми почестями на родовом погосте. Все предсказания, сделанные им в последние годы его жизни, сбылись. Так, накануне войны в далекой Америке был злодейски убит Лев Давыдович Троцкий, убит по указанию когда-то близких ему людей. Константин Ануфриев, будучи танкистом, с боями прошел от Москвы до Берлина. Закончил войну старшиной, имел много наград, в том числе два ордена Славы. Получив назначение в его родную школу в Няксимволе преподавателем военного дела, он возвращался домой через Ивдель, чтобы по пути побывать у своих родственников в Талице. Путь его лежал по дороге, по которой почти сорок лет тому назад проезжал Троцкий, выбираясь из сибирской ссылки.

Чем ближе подъезжал Константин к родным местам, тем сильнее сжималось его сердце от радости возвращения домой здоровым и невредимым. Он был счастлив. Но где-то в подсознании жили слова пророчества старого шамана Самбиндалова, к угодьям которого подъезжал Константин. Стояла теплая погода. Оленья упряжка быстро неслась по насту, и звон бубенчиков так благостно отзывался в душе, которая не так давно вырвалась из железного грохота. Счастье переполняло сердце фронтовика. Оно радостными слезами увлажняло его усы и, казалось, счастье теперь станет вечным и бесконечным.

Не доезжая километров десять до Етын-Соса, где жил Самбиндалов, извилистая дорога в лесу по большой крутизне спускалась вниз по увалам. Здесь олени, оторвавшись от первой нарты, понеслись стремительно вниз, потеряв всякое управление. На крутом повороте перепуганная упряжка бросилась врассыпную, и нарта сама уже без оленей понеслась в какую-то пропасть, ударилась со страшной силой о придорожную лиственницу и рассыпалась в щепки. От сильного удара головой о лиственницу Константин умер.

Хоронили Константина Константиновича в родном Няксимволе как героя, неся впереди его портрет, множество

боевых наград, бумажных цветов и пихтовых венков, перевитых траурными лентами. Долгие годы на его могиле постоянно лежали зимой и летом бумажные или живые цветы, как дань вечно живым и бессмертным душам ушедших.

Возвращение к мирной профессии.

ШАМАН ИНМАР С РЕКИ ТАПСУЙ

Перед началом второй мировой войны мне довелось быть на одном из шаманских камланий. Это было в деревушке Усть-Тапсуй, приютившейся на правом берегу Северной Сосьвы. Конечно, с тех пор прошло уже больше полвека и время безжалостно стерло из памяти многие детали. Но образное видение и те чувства, которые были вызваны шаманским колдовством, остались жить со мной навсегда.

Много раз после этого бывал я на шаманских камланиях в мансийских паулах реки Тапсуй, в Няксимволе, Верхне-Нильдино, Хулимсунте и других селениях Березовского района. Но всякий раз, когда речь заходит о шаманах и камланиях, со священным трепетом вспоминаю Инмара с берегов Тапсуя, поразившего меня на всю жизнь неистовством духа и магической силой.

Деревушка Усть-Тапсуй насчитывала не более двух десятков домов. Шел период коллективизации на Обском Севере. С ее начала усилился приток русского населения в национальные поселки. Началось строительство школ, изб-читален, магазинов, медпунктов. Однако местное население настороженно относилось к цивилизующим процессам, видя в них больше вреда для себя, чем пользы, и переселялось в верховья притоков Тапсуя — Ворьи, Вольи, уходя в глубокие урманы приуральской тайги.

После расселения вдалеке друг от друга в родах Анемгуровых, Тасмановых и Пеликсиных появились свои шаманы. Но главным оставался Инмар, живший в самом отдаленном селении Тимка-

Пауль. Никто из соседей не помнил, когда там поселились его родители. Сам Инмар помнил только то, что ему рассказывал дед о своих предках, которые пришли сюда из-за Урала. Имя ему было дано в честь кумирного первобога, почитаемого вотяками. Отец, дед и прадед Инмара были шаманами.

Жил Инмар в далеком селении, куда редко заглядывали посторонние. Редко выезжал (и то только по крайней нужде) для помощи больным или на камлания в другие паулы. Был он беден, правдив и честен. Постоянный спутник и помощник известного исследователя Обского Севера В.Н.Чернецова манси из деревушки Яны-Паул Кирилл Самбиндалов рассказывал:

— Однажды Инмар ловил карасей недалеко от Тапсуя, у его шалаша остановился на ночлег Валерий Николаевич. Встреча была короткой, но искренние дружеские отношения между ними сохранились на многие годы. Вечером Инмар предложил сварить уху из карасей. Чернецов принес из своей лодки алюминиевую сковородку и, в свою очередь, предложил Инмару изжарить карасей на масле. Инмар охотно согласился. Когда Инмар проводил Чернецова, то спустя несколько часов обнаружил забытую хозяином сковородку. Он прикинул расстояние, которое мог проплыть за это время его новый знакомый, быстро спустился к реке, сел в свою лодку (калданку) и пустился вдогонку. И в знак благодарности ученый подарил Инмару эту сковородку. Инмар был крайне растроган и польщен.

Инмар любил одиночество. Оно давало ему возможность всецело уходить в глубокие раздумья. Часами он мог сидеть у костра или в юрте, смотреть в одну точку, держа в руке погасшую трубку. О чем думал старый шаман? Трудно сказать. Одно было ясно Инмару: разум человеку дан для осознания не столько его силы, сколько бессилия в разгадке тайн мира.

Жил он один. В избе, кроме маленького столика на коротких ножках, скамейки, нескольких оленьих шкур и малицы, которые служили ему постелью, ничего не было. Шаманский бубен он хранил в амбарчике, который стоял недалеко от дома на четырех

высоких сваях. Что еще хранил шаман в этой избушке на курьих ножках, никто не знал, да в те годы и не было людского любопытства к вещам в чужих домах и амбарах, двери которых не имели замков, а подпирались в отсутствие хозяина толстой палкой.

Как-то осенью я зашел к старому Инмару. В его пауле были приезжие мужчины и женщины из соседней деревни Нерохи. На нарах лежала женщина, прикрытая малицей, и тихо стонала. У чувала стоял шаманский бубен. Инмар сидел на полу, подогнув под себя ноги, курил одну трубку за другой. Увидев меня, он кивнул головой и жестом пригласил сесть рядом. Затем вновь уперся взглядом в горящий огонь, погрузившись в состояние полной отрешенности. В пауле стало совсем тихо. Слышен был только треск отлетающих искр в чувале и тихий жалобный стон больной женщины. В доме воцарилась необъяснимая тревога, какая-то неведомая сила клонила головы людей на грудь, охватывала разум и душу мистическим страхом. Это был тот самый самогипноз, который охватывает перед камланием тех, кто ожидает помощи от сил, которых никогда не видел, но неизменно верит в их могущество.

Инмар встал на колени, высоко поднял над головой бубен, с большой силой ударил колотушкой по натянувшейся от нагрева коже бубна. И оглушительный гром, казалось, покачнул избу, и она поплыла в непостижимое разумом пространство.

Сквозь звуки бубна был слышен сильный голос шамана. В монотонном пении нельзя было понять слов, которые он посылал вслед за ударами бубна. Его плечи судорожно вздрагивали, он подпрыгивал то на одной, то на другой ноге. Удары бубна становились все чаще, движения тела полностью совпадали с ритмом ударов.

— Пася, олэн! — Сквозь грохот бубна и звона его подвесок Инмар послал приветствие кому-то в перерыве своего пения. Вдруг он засуетился, снова встал на колени, потом вскочил на

ноги и закружился на одном месте, извлекая из высоко поднятого бубна каскад звуков.

Инмар разговаривал с духами. Вопросы и ответы сыпались так быстро, что порой было трудно разобрать отдельные слова. Но мольбы о помощи, исцелении, об изгнании злых духов из тела больной женщины достаточно ясно передавали смысл разговора Инмара с явившимися к нему духами.

Шаман положил на нары бубен и колотушку, припал к женщине и быстро стал говорить ей, что ее душа пошла в верхний мир, а злой дух из ее тела пошел в нижний мир. Весь речитатив сопровождался движениями рук, бросающими что-то невидимое снизу вверх. Затем он бросился к чувалу, взял обнаженной рукой горящие угли, поднял их над головой, умоляя духов изгнать болезнь, трижды обошел больную и, подойдя к чувалу, бросил угли обратно в огонь. Потом он тихо опустился на колени, лег на пол около чувала. Мужчины перенесли его на нары, положили на оленью шкуру и прикрыли малицей. По-детски поджав под себя ноги, шаман уснул.

Женщина встала, закрыв лицо платком (видимо, среди мужчин были родственники ее мужа), сказала, что пойдет ночевать к знакомой соседке и пошла к дверям под изумленнными взглядами людей, давно не видевших ее идущей.

Шаман спал. Мужчины, не проронив ни слова, расположились на нарах, разгороженных на женскую и мужскую половины, укрылись оленьими шкурами. В пауле стало совсем тихо. В окно светила нарождавшаяся луна. Где-то за рекой голосом, похожим на человеческий, прокричал филин, и еще не уснувший рассудок людей метался в поисках объяснения чуда, совершенного шаманом.

Прошло несколько лет. За год до начала войны я переехал на жительство в Верхне-Нильдино — мансийскую деревню, расположенную в нижнем течении Северной Сосьвы. Однажды вечером (было начало июня) меня пригласила местная учительница Анастасия Семеновна Исыпова посмотреть чудо,

которое показывает приезжий шаман. Мы вошли в паул, расположенный на самом берегу реки, и каково было мое удивление, когда в приезжем шамане я узнал Инмара. Проездом домой он на несколько дней остановился в этой деревне, чтобы повидаться с родственниками. С Инмаром я увидел еще несколько человек, сидящих вокруг низенького столика, обычного для мансийских паулов, сделанного без единого гвоздя. Среди присутствующих была фельдшерица, огненно-рыжая и весьма миловидная Галя Рукавишникова, продавец магазина Даша Салтанова, кормприемщица молдаванка Ира и счетовод колхоза Саша Турнов. Собралась, таким образом, в небольшой избе вся деревенская интеллигенция. Когда закончился разговор о тревожных сообщениях радио и обмен деревенскими новостями, Инмар пригласил нас всех сесть вокруг стола. Мы едва уместились, став вокруг столика на коленях.

Инмар попросил положить руки на стол и, быстро натирая их своими ладонями, обошел по кругу всех сидящих. Затем отошел в сторону, и мы мгновенно почувствовали, что стол начинает подниматься сначала одной стороной, потом другой. От изумления всех присутствующих охватил необъяснимый страх. Инмар посоветовал прижать руками поднимавшуюся сторону стола. И каково было наше удивление, когда все усилия оказались напрасными. Все ощутили такую противодействующую силу, с которой человеку справиться не дано. Это была в полном смысле слова сверхъестественная сила.

Между тем стол сам двигался по часовой стрелке, описал круг и встал на прежнее место. Инмар повторил свой сеанс трижды.

Изумленная молодежь, теряясь в догадках и предположениях, вышла из паула и направилась к берегу Сосьвы, который для жителей сибирской тайги был тем же, чем для для горожан центральная площадь или парк. Было время белых ночей. Только что отошли отзимки мая, наступила короткая благодатная пора, когда еще не поднялись комары, а воздух уже был теплым. У ног тихо плескалась вода. Эти звуки ласковые, плавные и

приглушенные всегда вызывали во мне трепетное и восхищенное чувство чьего-то могучего, но доброго живого дыхания. В лесу за рекой пели птицы. Белая ночь как будто растворила в себе эти чарующие звуки и тихо несла их в безграничную вечность.

Часть компании разошлась, оставшиеся расселись на берегу, охваченные очарованием весеннего утра. После краткого обмена впечатлениями от увиденного наступило то состояние раздумья, в котором человеческий разум ищет разгадку противоречий бытия. К нам подошел Инмар и, раскуривая свою коротенькую, с прямым мундштуком трубку, сел рядом. Все молчали. Мы не смели задавать вопросов шаману, полагая, что это неучтиво. Однако любопытство не давало покоя.

— Инмар, скажи, что это было? — спросила учительница, красавица, тоже манси с реки Конды, урожденная в княжеском роде шамана Сатыги (фотография времен обучения ее в Ханты-Мансийском педучилище хранится до сих пор в окружном краеведческом музее). Инмар долго молчал. По лицу его было видно, что объяснять такие эзотерические вещи всегда очень сложно. Об этих явлениях более смело и бойко пишут теоретики и журналисты, а практики и знатоки этих чудодейственных сил по многим причинам остаются строгими хранителями тайн, порой не умея их объяснить даже самому себе.

— Вы все видели. Я только просил духов. Они мне помогают ходить по битому стеклу, раскаленным углям, брать их голыми руками. Добрые духи помогают лечить людей, верить в добрые силы и бороться со злом.

Это было для нас великим откровением. Воспитанных в духе воинствующего атеизма, который так презирал колдовство, знахарство, ворожбу, нас поразило то, что атеизм был направлен не против обмана, а против истины, боролся с ней, применяя насилие. В то же время живой творец, сидевший перед нами, за несколько минут до этого убедил нас в существовании сверхъестественных сил. Увиденное ошеломляло разум.

— Инмар, — снова обратилась учительница к шаману, — расскажи нам о духах.

Долго сидел он молча. Лицо выражало глубокую сосредоточенность, и мне казалось, что я вижу не Инмара, которого знал много лет, а святого, жизнь и деяния которого протекали в недоступных простому человеку мирах.

— Духи — это живые души умерших предков. Я их встречаю редко, когда они приходят, разговариваю с ними, прошу помочь больным, отвести беду, несчастье.

Инмар опять на минуту умолк. А мне вспомнились не раз слышанные рассказы тапсуйских охотников о шамане Василии Кирилловиче Анемгурове, по прозвищу "Выдум". Жил он один в верховьях Тапсуя. Слухи о нем ходили разные. Охотники рассказывали, что когда они подходили к дому "Выдума", то часто слышали, как он с кем-то разговаривал или громко смеялся. Любопытства ради заглядывали в окно и неизменно видели одно и то же: "Выдум" сидел на старой оленьей шкуре на полу, недалеко от чувала, поджав под себя ноги. Обдирал ли он белок или соболей, чинил ли сети — он всегда, оставив вдруг работу, бил кулаками по своим коленям, падал на спину, катался с боку на бок и, как говорится, "умирал со смеху". И тот, кто видел "Выдума" в такие минуты впервые, мог подумать, что он ненормальный. Но все, кто давно знал его, так не думали. Напротив, на людях он вел себя как и все, был разумным, степенным, обстоятельным и неглупым человеком. С кем же так вдохновенно разговаривал "Выдум" наедине? Чему он так заразительно смеялся? Никто этого не знал, никто его об этом не спрашивал. Как знать, может быть эти разговоры "Выдум" вел с духами и с душами предков? Знал об этом только он, но никогда и никому об этом не рассказывал.

— Наши старики говорили, — продолжал свой рассказ Инмар, — что люди узнали о духах от них самих. При разговорах с духами они узнавали своих родственников. Я тоже разговариваю со своими предками. Сами духи говорят, что у них умерло только

тело, а душа осталась живая, она ходит рядом, все видит, все знает, как и живые люди. Духи помогают тем, кого они любят. Духи не разрешают живым людям делать ничего дурного.

– Значит, стол поднимали духи? Ты их просил об этом?

– Да. Они могут все. Они очень сильные: могут таскать нарты, стучать по избе, писать и говорить, снимать боль. Они все могут. Но духи бывают и умными, и глупыми, как и люди. Одни добро делают людям, другие, которые были худыми людьми, и после смерти приносят людям зло.

Годы жестоких репрессий против верующих, когда шло физическое уничтожение православных священников и служителей культов, не позволяли углубляться в философию религии Инмара. О вере в то время говорили как о признаке отсталости, темноты людей, ничего не давая в доказательство своей правоты.

Конечно, и по истечении полвека не стало яснее понятие о духах, которые, обладая разумным началом, оставляют в глубокой тайне свое внутреннее естество. Дух по-прежнему для нас лишен вещества и материи. По рассказу Инмара можно было строить догадку, что духи имеют эфирную оболочку и невидимую тайную силу. Они, как рассказывал Инмар, наполняют верхний мир, способны с быстротой молнии перемещаться в пространстве и всегда оставаться для живых людей незаметными. Старый шаман полагал, что хозяин всех духов – высший бог Нуми-Торум. И каждый раз, призывая его на помощь, он повторял: "Дай Бог!", "Спаси нас Христос". Как шаман отличал Торума от Христа и что он видел в них общего, едва ли он сам мог объяснить. Но то, что боги всесильны – у него не вызывало никакого сомнения.

– Зачем же бог создал духов, если они творят не только добро, но и зло?

– Нуми-Торум не творит зла. Он дал всем духам свободу, но духи злых умерших людей не хотят творить добро и чтить законы Бога.

Июньская ночь была на исходе. Торжественное величие весеннего утра на берегу таежной реки, тишину которого убаюкивали всплески воды и голоса птиц, вселяло такое чувство, что это благолепие природы не могло быть создано слепой эволюцией мертвой материи, а было порождением доброго мыслящего начала.

Старого шамана, утомленного делами и думами минувшего дня, клонило ко сну. Он встал и медленно пошел к избушке.

Прошли годы, но Инмар в моих воспоминаниях остался человеком, приоткрывшим завесу тайн неведомого для меня, но существующего мира. Вспоминая старого шамана и сравнивая его опыт с тем, что говорит религиозно-философская литература о бессмертии души человеческой, невольно приходишь к выводу о том, что эти истины вечны.

Безусловно, рассказ о чуде исцеления больной женщины, изгнание духов из ее тела с помощью камлания, вращающихся столах, может вызвать у некоторых язвительную улыбку. Но, по-моему, прав был старый шаман в том, что духовная жизнь вечна. Он не знал, что об этом написано в Библии, не читал ни Платона, ни Аристотеля, ни Флоренского, но истины, лежащие в глубине человеческого сознания, вечны и бессмертны, как и душа человека. И если вера, как полагал русский философ Владимир Соловьев, утверждает то, что содержится в чувственном опыте и выводах разумного мышления, то она имеет корни вне области теоретического и обыденного сознания и лежит глубже, и по отношению к ним эта вера потому и сильнее их.

Через два дня мы проводили старого Инмара. Через год он умер, и память о нем истлеет, как и прах. Только душа его будет вечно жива и бессмертна.

♦♦♦

У аборигенов древнего Казыма.

ЛЮТЕРАНКА МАРИЯ ЛЮСТИК И ШАМАН ЮШМАН

Мать и отец Марии Люстик перед началом второй мировой войны были высланы из Западной Украины в деревню Нерохи на Северную Сосьву. Отец Марии вступил в колхоз, получил разрешение местных властей построить заимку километрах в семи от деревни, вверх по течению реки.

Семья занималась охотой, рыболовством, сбором грибов и ягод. Как члены местного колхоза, имели план-задание на заготовку пушнины и рыбы. Люстики имели небольшой огород. Выращивали для себя картофель, табак и овощи. Грибов и ягод в округе, рыбы и дичи было достаточно. Семья жила дружно и безбедно.

Место для поселения было выбрано очень удачно. Заимка располагалась недалеко от берега реки, на высоком холме, поросшем кедрачом, лиственницей, которые сплошным массивом уходили далеко на восток. С берега Сосьвы заимку прикрывали густые заросли ивняка и черемухи. Только тропа, которая вела к реке, голубой дымок над урманом да лай собак выдавали присутствие маленького таежного поселения.

Вся эта лесная глушь, в своем первозданном безмолвии, восхищенная своей красотой и целомудрием, сливала и небо, и землю в единый молчаливый восторг и несла их вместе с потоком реки в бесконечное пространство вечности.

Буйный расцвет осенних красок делал эту картину торжественной и неповторимой. Зимой, когда берега Сосьвы и

лес покрывались снегом, эта картина не теряла своего очарования. А ночами, облитые сиянием луны, берега реки и окутанный снегами лес превращались в зимнюю сказку. Совсем не зря те, кто побывал в этих местах, называют Северную Сосьву одной из самых красивых рек Западной Сибири.

Незадолго до начала войны Мария Люстик, когда ей исполнилось двадцать лет, похоронила в один год и мать, и отца. Приезжавшие нероховские мужики и бабы, мало знавшие Люстиков, похоронили обоих родителей недалеко от заимки по христианскому обычаю.

В своей избе Люстики не имели икон. Марии были неведомы таинства религиозных обычаев, она знала только одно, что ее отец и мать были православными. Она хорошо помнила разговоры отца с матерью о том, что души умерших людей способны к возрождению, что они составляют единство внутреннего мира человека с Богом, и эта вера была единственным условием спасения души. Она хорошо помнила, как отец говорил, что добрые дела людей — это и есть вера, а не ложная добродетель и милость к спасению.

После смерти родителей Мария могла бросить заимку и переселиться в деревню. Но вскоре началась война, и она осталась одна на своей заимке. Взвалив на себя всю тяжкую ношу одинокой женщины, постигнув еще при отце тайны охотничьего ремесла, она зимой добывала пушного зверя, летом ловила рыбу, собирала грибы и ягоды, косила по берегам Сосьвы траву для своей уже немолодой кобылицы. Странное было это создание. В период тяги к деторождению кобылица убегала в деревню и после любовных утех одна возвращалась в свою конюшню, на заимку.

Летом на лодке, зимой на санях Мария привозила необходимые ей товары из Нерох. Вся погруженная в мирские заботы, она имела мало свободного времени, и только длинные зимние вечера остро напоминали ей о женском одиночестве. Но

она хорошо понимала, что пока идет война, ее участь — это участь всех женщин.

Лихая година 1941 года совпала с большим наводнением. Сосьва вышла из берегов и разлилась, казалось, по всей тайге. Однако осень наступила в свое время, выпал снег, и Мария со своими собаками отправилась на промысел в лес. Первый снег в лесу всегда вызывал в ней особые чувства. Запушенные снегом ветви прибрежных кустов черемухи и рябины, лиственниц и кедрачей, казалось, погружались в какую-то новую после лета благостную тишину и торжественность. Это новое таинственное благолепие у Марии всегда вызывало двойственное чувство. Вместе с восторгом от сказочной красоты зимнего леса вселялось какое-то нежное и радостное чувство восхищения и поклонения незримому создателю этого упоительно-благостного чуда. И сколько бы Мария не старалась остановить свои чувства на восхищении этой красотой, в ее душе невольно возникало другое чувство — чувство сопричастности к этому великому таинству. В такие минуты она глубоко в подсознании улавливала святость всего сущего. Ей казалось, что все вокруг — эта тайга, одетая в белые одежды, земля и небо, и она сама слиты воедино незримым создателем этого благостного бытия.

В такие минуты она садилась на валежину или старый пень, положив под себя меховые рукавицы, и сидела так подолгу, очарованная лесным безмолвием, потеряв себя и время, растворившись в этом благостном очаровании. В такие минуты она часто ловила себя на том, что окружавшее ее безмолвие обостряет в ней мысли о таинстве человеческой сущности. Но сколько бы она ни терялась в разгадках этой тайны, сколько бы ни старалась понять, откуда она пришла в этот мир, зачем и почему, — от этого тайна не только не приближалась к разгадке, а, наоборот, рождала ту вереницу мыслей, которые ее еще дальше погружали в неразрешимые противоречия.

Но громкий лай собак, облаивающих обнаруженную дичь, прерывал такие минуты. Мария, очнувшись от оцепенения,

спешила к собакам. Она подходила к ним и всегда шептала что-то вроде заклинания, обращаясь мысленно своими словами к сидевшей на дереве дичи: "...сиди...сиди. Меня не бойся, сиди, сиди, не шевелись, — целясь в дичь, заклинала Мария. — Я стреляю... ты падай, падай на землю. Прости меня, Бог, и помилуй".

Когда после удачного выстрела, роняя за собой сучья и снег, на землю падала добыча, разбрызгивая на снежную белизну рубиновые капли крови, в душе Марии всплывало чувство греха и страха. Она не могла себе объяснить, как это в человеке совмещается добро и зло. Осенив себя крестным знамением, она, как ей казалось, снимала с души своей грех тем, что совершала покаяние перед всевышним и лесным духом, обитавшим здесь. Но покаяние и крестное знамение не гасили в ее душе сомнений. Сознавая силу Бога, она не могла не вспоминать о духах. Они были для нее сущностью всего, что ее окружало: тайги, земли, звездного неба — они невольно рождали в ее душе раболепное к ним отношение. Язычество и крест господний уживались в ней, как бесконечное богопознание.

Однако, где-то в душе, она улавливала ту истину, что языческие духи слабее Бога, и он может превратить их в прах и пустоту. Она догадывалась, что это и есть сама жизнь, порожденная этим противоречием. В такие минуты она, крестясь, обретала душевное спокойствие, будучи уверенной в победе добра над злом, как проявлении смысла и воли Высшей Разумности. Она была совершенно уверена в том, что ее вера, ее Бог — это ее совесть и гармония с сущностью и бытием окружающего ее мира. Это была вера в Бога, который был слит с ее сознанием, с верой в бессмертие души человеческой.

Своими раздумьями Мария ни с кем не делилась. В деревню Нерохи она выезжала нечасто. Во время посещения деревни она сдавала пушнину, ягоды, грибы, дичь, закупала нужные товары, а оставшаяся часть дня, до захода солнца, уходила на дорогу к своей заимке.

Шли годы... Все чаще и чаще Марию тревожило ее одиночество. По своей натуре Мария не была сентиментальной. Однако это не исключало сладостного трепетания ее души при воспоминаниях о первых тайных встречах с мальчишками, о первых словах любви робких поклонников и о первых застенчивых поцелуях.

В самом начале войны все ее сверстники ушли в армию. Ни с одним из них она не была в такой дружбе, которая к чему-либо обязывала. Писем никому она не писала и ни от кого их не ждала. Однако где-то за пределами ее сознания был тот неуловимый образ, почти живой, почти реальный, который нежно ласкал ее душу и приводил ее тело в необъяснимое, но сильное томление.

На второй год войны, как только выпал первый снег, Мария отправилась в лес с собаками на белок. После полудня она вышла на берег Сосьвы и решила возвращаться домой по реке. Это сокращало время, а окрепший лед, присыпанный снегом, не рвал камуса, прибитого к скользящей части широких охотничьих лыж. Неожиданно она увидела лыжный след, идущий к ее заимке. Подойдя к зимней проруби, из которой Мария брала воду, она увидела там человека. Рядом с ним лежала рыжая лайка. Почуяв беду, Мария побежала к проруби. Каково было ее удивление, когда она, подняв голову лежащего человека, узнала хромого Юшмана, жившего выше по течению реки километров за десять от ее селения.

Его лицо было бледным. На обочине проруби Мария увидела большое кровавое пятно. Правая рука Юшмана сжимала кисть левой руки, и между ее пальцами текла теплая кровь. На кисти, только на маленьком уцелевшем лоскутке кожи, висели оборванные два пальца.

Мария, набрав пригоршнями снег, начала быстро натирать Юшману уши. Он открыл глаза, узнал Марию, попытался подняться, но нестерпимая боль вновь затуманила его рассудок. Связав лыжи Юшмана веревкой за крепления, она положила его

на них и повезла к своему дому. С трудом втащила Юшмана в избу, положила его на кровать, быстро перевязала чистыми тряпками его руку, наложила тугой жгут на предплечье. Затопила железную печурку, коленце трубы которой было выведено в дымоход русской печи.

Везти Юшмана в Нерохи было незачем. С самого начала войны фельдшера забрали в армию, а присланная вместо него акушерка недавно выехала в Конду по вызову к тяжело болевшей матери.

В доме скоро стало тепло. Мария приоткрыла дверцу железной печурки и воткнула в горячие угли длинный железный прут, насыпала на стол мелко толченую медвежью желчь с примесью лиственничной серы и приготовила из белого коленкора бинт.

Юшман стонал от боли и порой, казалось, терял сознание. Мария принесла из кладовки бутылку питьевого спирта, налила почти полную железную кружку и выпоила ее Юшману. Обработав ножницы спиртом, она быстрым движением отрезала висевшие на коже обрубленные пальцы, достала из печки раскаленный докрасна железный прут и трижды описала круги вокруг Юшмана. Мария села с ним рядом и взяла его согнутую в локте руку, положила на подушку. Сама, дрожа всем телом от волнения и пережитого ею страха, принесла с вышки травы и стала их заваривать кипящей водой, вспоминая заговоры и заклинания, которым учила ее мать: "...есть трава осот. А та трава добрая, — шептала Мария, помешивая ложечкой отвар, — ...а растет та трава прекрасна, светла, листочки кругленькие, что денежки, высотою с пядь, цвет разный, всякий...".

Подавая отвар Юшману, Мария шептала: "Упаси Юшмана от стрелы-железницы, от сабли, рогатины и секиры доспешной, от булата красного и синего, ножа и топора, от кинжала и свинца. Излечи его раны болящие ...во имя чистого и животворящего Креста Господня".

Далеко за полночь, когда Юшман уснул, Мария прилегла на кровать своих родителей во второй комнате. Она долго не могла заснуть от пережитых ею тревог минувшего дня.

Утром, проснувшись рано, как обычно, Мария подоила корову, процедила молоко, Подошла к кровати, на которой лежал Юшман, и осталась довольна его состоянием. Он спал, дышал ровно и спокойно. Повязка была сухой, и лицо шамана было розовым. Это вселило уверенность в правильности своего решения лечить Юшмана самой, а не везти его в деревню. Мария принялась за свои хозяйственные дела, не разбудив Юшмана.

Когда солнце поднялось над лесом, собаки вдруг подняли неистовый лай. Так собаки лаяли или на крупного зверя, или на незнакомого человека. Мария вышла из дома и на тропинке, идущей к реке, увидела отца Юшмана — старого шамана Явлака.

— Юшман в доме. Он порубил себе пальцы на руке, — сказала Мария, приглашая охотника в дом.

Юшман, превозмогая боль, рассказал отцу о своей оплошности: когда он рубил корни упавшего дерева, чтобы развести костер и дымом выкурить подраненого соболя из-под корней, топор, запутавшись в крепких их узлах, скользнул по руке и отрубил два пальца. Когда он вышел на берег Сосьвы, он понял, что находится недалеко от заимки Марии и решил идти к ней за помощью. До своей юрты было более шести верст.

Явлак расспросил Марию — как и чем она лечила пораненую руку. Оставшись довольным правильным ее лечением, он поблагодарил Марию и попросил оставить у нее на несколько дней Юшмана.

— Ему ходить еще рано. Поправится — сам придет домой.

— Спасибо, Мария, — еще раз поблагодарил ее Явлак. Он, улыбаясь, с каким-то особым удовольствием набил табаком свою трубку и, раскуривая ее, сел около железной печурки, подогнув под себя ноги.

За чаем старый Явлак рассказывал Марии о том, как надо лечить раны. Зная, что мать Марии лечила травами и то, что она

учила этому дочь, шаман посоветовал делать компресссы из настоя листьев крапивы, мазать раны сосновой смолой, пережеванным хлебом с солью, прикладывать белый мох с салом, смешанным с кедровой хвоей.

Явлак назвал так много различных трав, растущих в лесу и на берегах реки, для залечивания ран, что Мария, боясь забыть что-либо, на газетном листе, обмакивая перо в чагу, торопливо делала заметки. Убедившись в удовлетворительном состоянии сына, старый шаман присел к его изголовью, долго шептал какие-то заклинания, затем зажег кресалом кусочек чаги (спички давно уже стали редкостью), окурил со всех сторон кровать, на которой лежал Юшман. Выйдя на улицу, он привязал к своему поясу собаку Юшмана и торопливо зашагал по тропинке к реке.

Прошло несколько дней. Раны заживали легко и быстро. Повеселевший взгляд Юшмана часто останавливался на лице Марии, выражая не только благодарность, но и чувства, которые были понятны Марии. Юшман два года тому назад похоронил жену, которой было всего тридцать два года. Но детей у них не было. Он был вдов, потому что табу Тахыт-Кшталик-отыра, к которому принадлежал род Юшмана, живущего в верховьях Северной Сосьвы, не позволял ему брать в жены женщин своего рода.

Юшман был у шамана Явлака единственным сыном. Две сестры его, выйдя замуж, жили теперь — одна в Няксимволе, другая в деревне Усть-Тапсуй. Старый Явлак жил с женой на берегу Сосьвы. Он хорошо знал отца и мать Марии. Отношения между семьями были теплыми и дружественными. Они были соседями по своим угодьям, иногда встречались на охоте, на рыбалке, в Нерохах при сдаче пушнины, при закупке товаров. Часто случалось, что отец Марии и Явлак на своих маленьких, но очень выносливых лошаденках вогульской породы возвращались вместе с закупленными товарами домой. По пути они обычно заезжали на заимку Люстиков. Зимние дни были короткими, и Явлак с женой, засидевшись за чаем, строганиной, спиртом и

разговорами, уезжали домой поутру следующего дня, тепло расставшись, как добрые соседи.

Юшман, как и его отец Явлак, был шаманом. Но камлания случались редко, в глубокой тайне, и большей частью сводились к врачеванию своих знакомых или родственников. Когда Юшману исполнилось двадцать лет, отец стал посвящать его в более глубокие тайны, чем в детстве. Запомнил Юшман много устных заговоров и часто пользовался ими, выходя на охоту, рыбалку или приступая к какому-нибудь важному делу. Чаще всего он обращался к заклинаниям доброму духу воды — Вит-хону, Вит-мис-нэ — доброй водяной женщине, Ур-мис-хум-аги, Тахыт-кталик-отыру — духу-повелителю рода живущих в окрестностях манси.

Однако до сей поры Юшману проводить камлания самому не доводилось. Чаще он помогал отцу. Но однажды отец назначил день камлания родственникам, но занемог и попросил это сделать Юшмана. Сам он, сидя около чувала, прикрывшись малицей и прислонившись к стене, внимательно следил за камланием сына. Когда камлание было окончено, он сказал:

— Надо встречать духов ласковее... Они это любят. А когда начинаешь разговаривать с духами, очень следи за каждым человеком. И если увидишь, что кто-то тебя плохо слушает, ты замолчи, долго смотри на него или сильно закричи, запой громко, ударь в бубен... После камлания, когда уйдут духи, внимательно смотри, чтобы все люди очнулись и были бодрыми. Перед камланием лучше не ешь — только пей чай. Сытый шаман — слабый шаман, он ленив и глуп.

Однако про себя Явлак отметил, что Юшман хорошо шаманил и, оставшись довольным этим заключением, подумал, что со временем его сын будет хорошим шаманом.

Дня через три, утром, рано проснувшись, Юшман начал шептать заклинания, обращаясь к Вор-мис-нэ, духу лесной волшебницы, благодарил ее за то, что она не дала злому духу Куль-Отыру погубить его. В своей языческой "молитве" он

благодарил Уль-Хум-аги, добрую девушку-волшебницу, и просил хранить и любить Марию.

В то же время Мария, совершавшая утреннюю молитву в своей комнате, стоя на коленях перед маленьким иконостасом, услышала шепот Юшмана и подошла к его кровати, обеспокоенная мыслью об ухудшении его здоровья.

— Что, Юшман, плохо? — тревожно спросила она.

— Нет... нет. Я просто просил добрых духов хранить тебя и беречь.

Его голос был настолько нежным и добрым, что Мария, согретая такой лаской, поспешно зажгла фитиль, смоченный жиром в железной банке и, накинув на себя ватник, сославшись на управу по хозяйству, быстро вышла из дома. Закрывая за собой дверь, она услышала, или ей показалось, что Юшман оклинул ее. Но она, прихлопнув дверь, прислонясь к ней спиной, всем телом почувствовала толчки своего сердца, которые сильно отдавались в голове.

Когда Мария вернулась с подворья, Юшман, стоя на коленях, разжигал железную печурку. Рука его уже не беспокоила. Ежедневные перевязки, компрессы, испытанные самодельные присыпки-бальзамы и мази быстро заживляли пораненую руку. Но Мария и Юшман полагали, что такому быстрому заживлению помогали наговоры и заклинания, которые они произносили каждый по-своему, не совершая греха, как им казалось, ни перед Иисусом Христом, ни перед Нуми-Торумом. В своих молитвах и Мария, и Юшман поклонялись своим богам, своим духам, которые были покровителями добра, и каждый по-своему открещивались от злых дьяволов, демонов и от злого духа Куль-Отыра.

— Юшман, какие молитвы ты произносишь, когда просишь помочь тебе или людям?

— У нас, Мария, готовых молитв нет. Мы обращаемся за помощью к духам огня, воды, леса. Их много. Они все живые, они все видят, все знают, они все могут. Молитва сама приходит

к человеку тогда, когда он хочет помочь себе или другому человеку, оленю или собаке.

— А как же ты вызываешь духов и как ты знаешь, что они пришли, что они слышат тебя?

— Этому меня учили дед и отец. Учили долго. Потом я две недели жил на маленькой речке Манья. Две недели ничего не ел — без этого нельзя научиться вызывать к себе духов. Я хотел, очень хотел с ними разговаривать... я хотел их услышать и больше ничего не хотел. Я думал только об этом... Я звал их ночью у костра, стучал палкой о нодью, громко называл ушедших по имени... И они приходили и тоже стучали, разговаривали.

Православный дух Марии тайно противился такому язычеству. Но чувство сопричастности к потустороннему миру, как ей казалось, не противоречило христианству. Да и сам Юшман говорил, что манси почитают как живые души — лес, реки, деревья, — творения высшего бога Нуми-Торума. Не могла Мария осуждать веру Юшмана и за то, что манси, как и все, поклонялись своми деревянным идолам, как божествам. Она хорошо знала, да и сама часто видела в мансийских паулах православные иконы Иисуса, Святой Божьей Матери и Николая Чудотворца.

На одной из икон в доме Юшмана было написано имя его отца по-русски "Василий Кириллович Тасманов", имя, которое дал ему русский священник в день крещения, 7-го июля 1882 года. Десятилетним мальчиком он был взят в школу Кондинской женской обители. Проучился он там два года, делал хорошие успехи в учебе, и настоятельница монастыря пророчила ему судьбу священнослужителя. Именно тогда отец забрал его из школы и стал учить шаманству. Русский поп, приехавший из Березова, долго уговаривал Явлака продолжить учебу, старый шаман наотрез отказался, но согласился крестить своего сына Юшмана. Это случилось тогда, когда Юшман сломал по неосторожности ногу. Явлак долго лечил сына, но он на всю жизнь остался хромым.

— Шаманы бывают разные, — продолжал Юшман. — Они каждый по-своему вызывают духов. Мой отец может вызывать только своих духов-родичей. Он им говорит, чтобы они пришли, поет им песни, бьет в бубен, чтобы показать им дорогу к себе. Он просит Такыт-Кталик-Ойку, покровителя нашего рода, послать для разговоров умерших родичей, которые были добрыми, когда были живыми...

— А ты как шаманишь, Юшман?

— Я долго вызываю духов, зову их, пою им песни, забываю обо всем, поднимаю свое тело к небу. Быстро, быстро лечу в верхний мир. Там я ищу духов и зову их на землю, чтобы они увидели, кому нужна помощь, кого надо лечить, кому помочь... Я говорю это людям. Потом отпускаю духов в верхний мир и прощаюсь с ними.

Слушая рассказ Юшмана, Мария понимала, что ее вера и вера шамана вражды меж собой не имеют. О чудесах исцеления ее отец читал в Библии и рассказывал ей об этом. Юшман тоже верил в чудеса и загробный мир, в вечно живую природу, в бессмертие души человека, в бессмертие тех, кто при жизни не творил зла и греха. Юшман тоже носил нательный крест с распятием Христа и молился Богу, осеняя себя крестным знамением. Ангелов-хранителей Юшману заменяли добрые духи, к которым он обращался за помощью, за возмездием тому, кто чинил зло другому. У Юшмана тоже были святые праздники: Семенов день, Николин день, Ильин день, Рождество и Пасха.

Мария пыталась найти в вере Юшмана и в ее вере какие-нибудь противоречия. Однако то, что она знала и видела, сводилось к тому, что если человек даже один, то и тогда он думает о Боге, думает много и часто, но разумеет его каждый по-своему. Так и все люди о Боге думают по-разному, но все верят в то, что если они умрут, а умрет каждый, иной мир, которого мы не видим, возьмет себе только человеческую душу и мысли человека о тайнах вечного Бога.

Прошло еще несколько дней. Рана на руке не вызывала никакого беспокойства, и Юшман на следующее утро засобирался домой. Но, как заметила Мария, его что-то сильно беспокоило. Его волнение было настолько сильным, что вечером, сидя за ужином, Мария спросила:

— Что с тобой, Юшман?

— Мария...— с еще большим смущением и волнением произнес Юшман и, замолчав, положил свою здоровую руку на руку Марии.

Вновь, как и в то памятное утро, в груди Марии сильно застучало сердце, и она почувствовала тайное блаженство от этого прикосновения.

— Выходи, Мария, за меня замуж.

От волнения и радости она, чувствуя, как еще сильнее забилось ее сердце и зябко задрожало тело, не убирая своей руки от ладони шамана, кивнула головой и сильнее склонила свое краснеющее лицо.

Брачная ночь была тихой и темной. Мария и Юшман слышали, как недалеко от избушки ухал филин. В мерцающем сиянии далекого темного неба, казалось, был слышен шепот ярко сияющих звезд. Над урманом тихо вставала луна. Ее мягкий свет гасил мерцание звезд, окутывал лесное безмолвие каким-то мистическим очарованием, сливая все вокруг воедино: тело и душу, разум и веру, небо и землю.

♦♦♦

Крещение остяков (Стефан Пермский).

МУЛИГОРТСКАЯ ШАМАНКА

Шаманка Парана родилась в середине прошлого века в хантыйской деревушке Мулигорт, что на левом берегу Оби. (Отец ее – Даниил Иванович Спиридонов – был шаманом). Умерла она (будучи девственницей) в возрасте девяноста восьми лет в деревушке Халапанты. В молодости она была умна и красива. Обучали ее шаманству отец, мать и бабушка. Эту школу Парана проходила с большим желанием. Стать шаманкой ее очень просили родители, потому что она была единственной дочерью в семье, и они хотели передать ей свое мастерство шаманских камланий.

Школа шаманства оказалась трудной и долгой. Она была связана с большими лишениями, невзгодами, была порой жесткой и жестокой. В этом обучении бабушка занимала главную роль.

Парана слышала от людей, что ее прабабушка, родословная которой была связана с хантыйской княгиней Анной Путреевой, славилась своим мастерством большой шаманки.

Все шаманки рода Путреевых были целителями. Лечили травами, наговорами, изгоняли болезни и недуги заклинаниями, тайны которых они свято хранили и передавали только своим близким родственникам. О своей прабабке Парана знала, что та была своенравной, гордой, властной, но очень любвеобильной женщиной. Поговаривали, что будучи уже замужем, она тайно встречалась с заезжим из Конды казаком, который служил у князя Сатыги.

Может быть, этой тайной любви с донским казаком были обязаны женщины рода Путреевых, которые славились своей внеш-

ней привлекательностью. В истинности этих преданий можно было легко убедиться, взглянув на красавицу Парану. Ее длинные вьющиеся темно-русые волосы, правильные и приятные черты лица напоминали божественные образы гречанок.

Мне довелось увидеть Прасковью Гавриловну в хантыйской деревушке Халапанты, недалеко от Шеркал, в годы войны, когда ей уже шел восемьдесят третий год. Жила она в маленькой избушке с младшей сестрой Евдокией.

Начальная школа в Халапантах, куда я приехал работать, была открыта в одном из приспособленных зданий, которое выделило правление колхоза, тоже организованного всего год тому назад. Кроме меня в школе роботала вторая учительница преклонных лет — Ольга Ивановна Седельникова. Учеников было немного, всего 23 человека, но из-за неимения классных комнат занимались в две смены.

Я часто видел Прасковью Гавриловну, проходя утром на занятия мимо ее дома. В любую погоду эта пожилая женщина, почти всегда в белом холщовом домотканом платье, расшитом аппликациями хантыйского орнамента красного цвета, простоволосая, с пышной шевелюрой белых кудрявых волос, длинным топором рубила дрова для чувала. Дрова ей привозил колхозный конюх. Сухостойное коротье Прасковья Гавриловна ставила аккуратно стволами кверху друг к другу в виде костра, как это делали все ханты в деревне.

Младшая сестра Прасковьи Гавриловны — Евдокия — работала в колхозе дояркой, имела свою корову и снабжала нашу семью молоком.

Бойкая не по годам Прасковья Гавриловна часто заходила к моей матери в гости. У нас сложились хорошие доверительные и добрососедские отношения. О том, что Прасковья Гавриловна была шаманкой, в деревне знали все. В деяниях престарелой шаманки из бывшего княжеского рода власти не усматривали какого-либо вреда, относились к ворожбе, как к умирающему пере-

житку прошлого, потерявшему всякий интерес людей в победоносном шествии воинствующего атеизма.

Между тем к старой шаманке больные люди обращались часто. Медпункта в деревне еще не было, а до села Шеркалы, где жила фельдшер-акушерка, было далековато. Да и авторитет шаманки Параны был более высок, чем у медработника, которому коренные жители еще мало доверяли. За помощью к шаманке приезжали из Лохтоткурта, Розеткурта, Мулигорта и Вежакор.

Прасковья Гавриловна хорошо умела увязывать знания народной медицины с мистикой, и это усиливало ее престиж в делах врачевания. Ее соплеменники полагали, что духи, с которыми общалась шаманка, были сильнее людей. Лечение с помощью камлания, заговоров, колдовства и заклинаний — все это давало старой шаманке возможность довольно долго пользоваться огромным доверием и уважением сородичей.

Убедиться в этом мне довелось на одном из камланий в дни зимних каникул, накануне Нового, 1944 года. На камлание меня позвала ее сестра Евдокия. Из Розеткурта к Алексеевым привезли новорожденного ребенка, который без умолку плакал, а его пупок при этом высоко поднимался над животом. Не один раз я просил Прасковью Гавриловну разрешить мне посмотреть ее камлание. Такой случай, наконец-то, представился.

В правом углу избы Алексеевых висели иконы Святой Божьей Матери и Николая Чудотворца. Маленький иконостас освещался самодельной лампадой. Вместо нар стояли железные кровати, стол, скамейки и табуретки. Однако традиционный чувал остался, как почти во всех домах жителей Приобья. Он давал не только тепло, но и свет, и это было немаловажно в годы войны при отсутствии свечей и керосина.

В избе были женщины и два старика, которые привезли из Розеткурта молодую мать с больным ребенком. Она развязала тесемки берестяной люльки с вырезанными по ее бокам и спинке орнаментами, с полукружным ободком, на котором висели разноцветные кусочки материи и несколько маленьких бубенцов и ко-

локольчиков. Распеленав дитя, кричащего без умолку от боли, мать подала оголенное тельце Прасковье Гавриловне, сидящей на полу около чувала.

Шаманка трижды обнесла плачущего ребенка вокруг горящего чувала, положила его к себе на колени, пристально и долго смотрела на его оголенный живот и вздутый, покрасневший, как спелая вишня, пупок. Шаманка стала водить вокруг воспаленного пупка двумя пальцами правой руки, движения ее напоминали ввинчивание гайки, торопливо нашептывала слова каких-то заклинаний. Отдельные слова и фразы, услышанные сквозь плач ребенка, означали вежливые просьбы к кому-то:

— Дай мне, Чохрын-Ойка, грыжных слов добрых... — обращалась шаманка к огню чувала, временами опуская плачущего ребенка на колени и, как бы снимая что-то с его тела, "бросала" это "что-то" в чувал. Затем она взяла маленький железный прут и начала стучать им о медную тарелку. Малыш на мгновение замолкал, поворачивал свою голову в сторону звуков, потом снова принимался кричать, быстро сучить ножками и махать голыми ручонками. Прасковья Гавриловна ласково гладила ладонями живот ребенка, тихо приговаривая:

— Мои добрые духи... придите... придите, помогите мне, помогите...

Я видел, с каким вниманием присутствующие смотрели на шаманку, ни на один миг не допуская сомнений и недоверия. Наоборот, они самоотреченно, с мистическим страхом, смотрели на шаманку, боясь упустить ее движения и жесты. Они тоже хотели своими глазами "увидеть", своими ушами "услышать" вызванных духов. Когда шаманка вскрикнула: "Пришли духи, пришли..." — все встрепенулись, вздрогнули и потянулись в сторону чувала душой и телом. Можно полагать, что этот момент камлания был проявлением внушения, гипнозом, фактором высвобождения из-под контроля сознания и включения саморегулирующего подсознания. Но шаманка, сделав паузу, продолжала заниматься своими вполне прозаическими делами бабки-повитухи. Затем снова

наступила пауза. Значение их в шаманском камлании крайне велико и внушительно. Присутствующие сами начинали искать контакты со сверхъестественными силами, которые пришли сюда по зову их избранницы и находились здесь рядом с ними. Они жадно, с мистическим страхом смотрели на шаманку, ожидая какого-то чуда. Они ловили глазами ее малейшие движения и жесты.

Шаманка, устремив свой взор поверх пламени, долго смотрела широко раскрытыми зрачками в черное зево чувала. Ее глаза горели каким-то необычным фосфорическим светом. "Оглушая" присутствующих мистической паузой, она превратила внимание и энергию всех в сгусток такой затаенной силы, которая, казалось, готова своим взрывом прорваться наружу и разрушить все на своем пути.

Шаманка то торопливо, то медленно, растягивая слова, переходя к шепоту и речитативу, запричитала:

— ...Пупковая грыжа...мокрая грыжа...костяная грыжа...белая грыжа, водяная грыжа, внутренняя грыжа. Иди, грыжа, в вотчину обскую щукою...головой в Обь...я уберу кишку от пупа...забери ее, щука, к себе до окончания века...доспей, грыжа, у белого камня...грызи себя, злая грыжа, грызи горькую осину, не ешь, ты, белая грыжа, маленького тела ни в ночь, ни в день, ни во всякий час.

Шаманка умолкла. Подняла левой рукой тело младенца и стала быстро безымянным перстом, унизанным медными и золотыми кольцами, вращать по часовой стрелке... Затем вытащила из-за пазухи засушенные щучьи зубы и быстро, легко прикасаясь, стала обкалывать кожу на животе ребенка около пупка.

Шаманка замолкла, вытерла с лица пот, поправила на плечах большой черный платок с крупными ярко-красными цветами и тихо, вполголоса, запела нежную мелодию какой-то колыбельной песни. Покачиваясь всем корпусом, Прасковья Гавриловна, обращаясь к жерлу чувала, качала головой, как будто о чем-то рассуждала, кого-то о чем-то просила и, закрывая глаза, с чем-то сог-

лашалась. Вдруг она неожиданно схватила рыдающего ребенка, подняла его над головой и очень громко закричала:

— Помогите духи...помогите...Угоните боль...угоните, — затем она наклонилась над оголенным животом младенца и сквозь распущенные волосы, которые выбились у нее из-под платка, было видно молниеносное ее прикосновение к пупку ребенка, вроде поцелуя.

— Спасибо, Чохрын-Ойка...Спасибо...Забери боль младенца...

С этими словами шаманка положила между своих колен плачущего ребенка. Все видели чуть заметные красные капельки крови на его пупке. Шаманка вытащила из-за пазухи сушеную мелкотолченую налимью желчь, густо посыпала ею пупок, приложила заячью шкурку с каким-то самодельным бальзамом, передала ребенка матери и просила ее потуже запеленать младенца.

Ребенок неожиданно замолчал, спокойно положил свои ручонки на живот, сладко потянулся, выпрямил ножки и тут же уснул.

Что это было? Колдовство, чародейство, волшебство или проявление того метода врачевания, которым сегодня владеют филиппинские хирурги? Или это было проявлением действия тех сил, которые мы сегодня связываем с силами биополя, биоэнергетики, или теми мистическими силами, которые были известны тысячи лет тому назад библейскому чудодействию? А, может, это был гипноз, парапсихология, телепатия, колдовство, магия? Трудно сказать. Но это было все то, чем пользовались шаманы, это было то, что составляло сущность тайны шаманских камланий.

Чуть заметная улыбка скользнула по лицу шаманки. Она встала, кому-то низко поклонилась и, ударяя тихо ладошками, распрощалась со своими добрыми духами. Быстро осмотрела всех присутствующих внимательным взглядом, подобрала подол руками и "вытряхнула" как бы все, что было в нем, в огонь чувала, обогрела в пламени свои ладони, встала на колени, низко склоняясь к полу, ласково распростилась с теми, кто помогал ей в хорошем и добром деле. Но все это было в каком-то мистическом тумане. Понятно было только одно: шаманка сумела талантливо

использовать знания народной медицины, методы внушения и с помощью религиозно-мистического ритуала завладела сознанием, волей присутствующих и провела тончайшую бескровную хирургическую операцию, надкусывая пупок ребенка с большим искусством гипнотизера. Но механизм всего этого остается загадкой.

Едва ли этот феномен станет понятнее, если мы объясним его реально существующими возможностями гипноза, внушением, суггестией или психотерапевтическими возможностями саморегуляции и биоэнергетики. Наверно, этот феномен и есть та тайна, невольно толкающая людей к толкованию его как колдовства или магии? Хотя в Библии давно уже сказано о психотерапевтических деяниях Иисуса Христа не только по излечению людей, но и о воскрешении их из мертвых. Эти чудеса библейских сказаний не вызывают ни малейших сомнений у верующих всего мира.

Почему же столь загадочные явления человеческой психики, способной творить чудеса, до сих пор остаются тайнами и до сих пор оспариваются? Наверное потому, что изучение таких явлений, как шаманство, как научную проблему в условиях современных достижений науки никто еще не ставил.

И прав академик Казначеев, подчеркивая часто мысль о том, что у нас существует множество наук, тысячи различных гипотез, сотни вузов и НИИ, но до сих пор нет института человековедения.

Домой мы шли с Прасковьей Гавриловной вместе. Из-за учтивости я не мог задавать ей вопросы, да и виденное мною еще не уложилось в голове, так как в сумятице противоречий, которые обрушились на мое сознание враз, было трудно выделить главные вопросы.

Мороз к ночи усилился. Звезды, ярко светившиеся и слабо мерцавшие в кажущейся бесконечности, совершали свой путь по тайным, непонятным, но безупречно точным вечным дорогам, проложенным силами высшей и вечной Разумностьи.

Меня зовут Иваном.

ПОСЛЕДНИЕ ШАМАНЫ ТАПСУЙСКИХ УРМАНОВ

Тапсуйская дача расположена в Березовском районе в самых дремучих урманах верховий Северной Сосьвы. Река Тапсуй, в которую впадает Ворья и еще пять небольших речушек, протянулась на 150 километров до промысловой избушки охотника Василия Кирилловича Дунаева. О почтенном возрасте этого поселения говорят поразрушенные деревянные надгробья на могилах переселившихся в "нижний" мир предков. Надгробья в виде маленьких избушек с двускатными крышами, без окон, без дверей, давно уже заросшие травой, производят такое же трепетное ощущение смерти, как и мраморные обелиски древней Эллады.

Центром Тапсуйской дачи было село Няксимволь. В начале нашего века А.А.Дунин-Горкавич писал о жителях этого края "...по наружности эти люди выше среднего роста, крепкого телосложения, с густыми волосами на голове, заплетенными у некоторых в две косы. Это едва ли не самая красивая группа остяков".

В справедливости этих слов я убедился, когда работал на Тимко-Паульской промыслово-охотничьей станции бывшего Кондо-Сосьвинского заповедника в годы войны. В облике Кирилла Дунаева, трех братьев Анемгуровых, да и многих других мужчин я всегда отмечал присутствие чего-то греческого — в профиле, темных вьющихся волосах, благородстве осанки. Это же можно сказать и о женщинах.

Всю жизнь я прожил в Сибири, сначала в Восточной, а потом в Западной. Но таких великолепных лесов, озер с прозрачными

водами, чистых речушек, как в Тапсуйской даче, мне встречать не доводилось.

Говорят, что окружающая человека природа накладывает на него свой отпечаток. Это особенно хорошо видно на коренных жителях тайги. Красота, таинственное безмолвие, запрещенные для посещений святые места создали здесь духовный оазис. Еще полвека назад хранили здесь свои тайны последние тапсуйские шаманы. Это был край многочисленных жертвенных мест, алтарей-святилищ, деревянных изваяний с усеченными головами на высоких пнях когда-то могучих деревьев. Это был край шаманов, покровительница которых "Золотая баба", скрытая в одной из кумирен в вершине Конды, олицетворяла собой священную власть над жрецами Тапсуя.

К началу нашего века на территории нынешнего Березовского района было несколько священных мест. Одно из них – "Ялбынья" ("Священная речка") – располагалось на Большой Сосьве. Здесь была вотчина шаманов рода Сайнаховых. Территория этой вотчины оканчивалась урманами на Малой Сосьве. Отсюда начиналась вотчина шаманов рода Дунаевых и Анемгуровых, которая заканчивалась на берегах "Святой речки" ("Мулымья"), впадающей в Конду.

Еще до войны из состава образованного в этих местах Кондо-Сосьвинского заповедника на землях Тапсуйской дачи была выделена Тимко-Паульская промыслово-охотничья станция. Директором ее был один из бывших сотрудников Кондо-Сосьвинского заповедника Г.Е.Осипов. Научно-исследовательская работа на территории Тапсуйской дачи не прекращалась и в годы войны. На этой территории велась работа и по изучению соболя. Занимался ею охотовед Ханты-Мансийской окружной заготконторы биолог Владимир Эдвиндович Кун.

Дирекция Березовской райзаготконторы прикомандировала меня к его экспедиции. Мы выехали в самые отдаленные урманы на оленях. В промысловой избушке на реке Ворье, где охотничал Василий Иванович Пеликсин, Кун решил организовать свою ба-

зу по изучению численности и миграции соболя. Учет соболя велся по довольно простой методике: по следу находили его лежанку где-нибудь под упавшим деревом или старым пнем, фиксировалась семья соболя, и это давало основание к приблизительному подсчету соболей, живших на определенном участке. По грибам, развешанным белками, В.Э.Кун определял движение соболя, который перемещался вслед за белками.

Длинные зимние вечера В.Э.Кун проводил в беседах с Пеликсиным. Это был уже старый человек, хорошо говоривший по-русски, умный и степенный собеседник. При свете огня от чувала за чаем Владимир Эдвиндович и старый охотник — хозяин паула — вели разговор о промысле соболя, лося и медведя, и здесь я впервые услышал о местных бобрах. Часто Пеликсин вспоминал о своем хорошем друге, первом директоре заповедника В.В.Васильеве, об ученых В.Н.Скалоне, В.В.Раевском, З.И.Георгиевской, К.В.Гарновском.

Однажды разговор зашел о Казымской трагедии 1934 года, свидетелем которой был Пеликсин. Василий Иванович был шаманом и, боясь репрессии, на своих оленях бежал на реку Назым. Прожил в юртах Вершина более года и вернулся в родовое стойбище. Все его хозяйство — лодки, весла, сети, охотничьи снасти — было в сохранности. Наслышанный об аресте знакомых шаманов, как "врагов народа", Василий Иванович к камланиям больше не возвращался, а бубен и колотушку увез к святым местам, спрятал в глухом лесу, где в прежние годы совершались жертвоприношения. Прошло несколько лет. Все арестованные в 1937 году шаманы как в воду канули. Ни один из них не вернулся.

Вспоминая знакомых шаманов, Василий Иванович охотно рассказывал о них Владимиру Эдвиндовичу. О себе старый шаман рассказывал мало. И порой, надолго замолкая, становился отрешенным. Наверное, сам искал разгадку скрытой силы духов, которая связывала шамана при камлании с землей и звездами, с жизнью и смертью, людьми и духами, делали душу и разум способными летать по дорогам Вселенной.

— Василий Иванович, — спрашивал его Кун, — боишься ли ты смерти?

— Оборони Бог, боюсь. Боюсь и не знаю, какой дорогой моя душа полетит, когда мое тело положат в калданку.

— Ты веришь, что душа умершего человека остается жить?

— Да, старики говорили, что душа — она не умирает, она только может уйти в дерево, оленя, лося, медведя, она может по дороге на небо вселиться в другого человека.

— Значит, душа есть у всех?

— Да. Манси верят, что душа есть у всех. Поэтому они берегут деревья, очень сожалеют и даже скрывают, что убивают медведя, а когда убьют, закрывают ему глаза, чтобы он не отомстил охотнику. Душа есть у всех. Это такой порядок.

— Кто же дал такой порядок?

— Наши старики говорили, что такой порядок появился очень давно, и духи предков хранят его. Без такого порядка люди жить не могут.

Трудно было понять моему молодому и незрелому разуму всю сложность этих бесед. И отдельные фразы, записанные когда-то на пожелтевших газетных листах и бланках различных отчетностей, которые сохранились в моем архиве, только спустя много лет стали обретать глубочайший смысл.

Однажды Владимир Эдвиндович снова завел разговор о бессмертии души, желая вызвать на откровенность старого шамана.

— Василий Иванович, когда ты разговариваешь с духами, ты знаешь, что они очень сильные и могут убить тебя?

— Нет. Когда приходят духи, мы "летим" с ними в "верхний" мир, и они нам рассказывают обо всем, о чем мы их просим. То, что мы видим и слышим, мы говорим всем, кто нас слушает.

— Василий Иванович, о чем же ты просишь духов, когда встречаешься с ними?

— Много дел на земле, и людям нужен помощник. Добрые духи помогают рыбаку, охотнику, оленеводу. А худые духи приносят людям, оленям болезни. Прогнать их может только шаман.

– Но ведь не всегда шаман может вылечить человека? – возражал ему охотовед.

– Да, шаманы – они ведь разные. Одни знают и умеют больше, другие меньше. Только духи могут все, а шаман только то, что они скажут.

– Василий Иванович, а когда ты разговариваешь или о чем-нибудь просишь духа, ты его видишь?

– Нет. Дух – не человек, не олень, не собака. Его не видел ни один шаман. Но дух может делать все.

Много лет спустя при чтении работы известного этнографа С.А.Токарева меня поразил его вывод о том, что "первобытный человек, философствующий дикарь, мыслил так же, как и современный человек". Эта мысль убедила меня в том, что разум человеческий не может обойтись без веры, которая сама творит дух человека.

Можно предполагать, что высшая сила побудила Василия Ивановича взять на себя обязанности шамана и позволила ему превзойти самого себя. И если Василию Ивановичу была недоступна философия, как теория познания, то его практическое творчество дает основание утверждать, что у сибирских шаманов сила практической философии воплощала в себе сущность всей аристотелевой диалектики, "как драмы живой человеческой мысли, стремящейся к объективной истине не путем однозначных логических операций, а всеми путями, доступными человеческому познанию". Не знал и знать не мог старый шаман теоретического фундамента философии. Но его шаманская практика стихийно включала в себя различные религиозные учения Востока и Запада, которые зарождались и выстраивались в течение тридцати столетий в форме культовой практики, с верой в бессмертие души, в общении с духами. Все это проникало в сознание не через мертвые буквы священных писаний, а через боговдохновенную реальность, некий мистический творческий импульс, заложенный в самой природе.

Любопытство В.Э.Куна не беспокоило старого шамана. Его русский друг не мог познать, каким образом каждый шаман с помощью только ему известных духов, обеспечивал безопасность своего рода, мог отвести нежелательные действия злых духов.

— Не шаман приносит облегчение людям, а духи, — объяснял охотоведу его собеседник. — Я только подчиняюсь духам, а люди, которым я передаю желания духов, верят ему. Если бы люди не верили, то они не просили бы шамана камлать.

Не ведая о проявлениях функций подсознания при внушении в момент шаманского камлания, Василий Иванович сам был крайне сосредоточен и всегда мрачно задумчив. Видно было, что в нем протекала сложная психологическая борьба, в которой подсознательная деятельность была выше обычной, и это откладывало отпечаток на весь его внутренний мир.

— Почему же, Василий Иванович, ты так много помогаешь людям, а сам живешь так бедно?

— Никакой платы за камлания наши шаманы не брали, а отказывать людям в камлании нельзя. Старики нам говорили, что давно-давно жили белые и черные шаманы. Черные шаманы злых духов посылали, а с ними — беды людям и болезни оленям. А белые шаманы лечили людей травами и словами. Белые шаманы всегда обращались к добрым духам. Белые шаманы были бедные люди, да и черные шаманы жили, как и все.

— Так было всегда?

— Нет. С тех пор, как перемешались белые и черные шаманы, у нашего народа появились новые слова: “жадность”, “скупость”, “богатство”, “зависть”. Таких слов наши предки не знали. Они были умные люди. Человек, когда хотел есть, шел на охоту или на рыбалку, брал столько, сколько мог съесть, а запасов не делал, богатства он не копил. А потом пришел ясак, пришел русский купец, “винка”, пьянство и обман.

Прошло несколько дней. Вновь у чувала, в котором стоя горели дрова, началась беседа Куна с шаманом.

— Василий Иванович, как к тебе приходят слова, с которыми ты обращаешься к духам, когда шаманишь?

— Слова приходят сами, они где-то сидят у меня внутри. Что я буду говорить, когда дух придет, я не знаю.

— А другие шаманы знали такие слова?

— Не знали. Шаманы из рода Дунаевых, Анемгуровых шаманили так же, как и я. Они говорили, что слова к ним приходят тогда, когда они греют у огня бубен для камлания.

— Шаманы, наверное, жили недружно друг с другом?

— Нет. Мои предки рассказывали, что шаманы всего Тапсуя никогда не ссорились, помогали друг другу. Жили мирно. Каждый жил далеко от других. Люди их уважали.

Спустя много лет, перебирая сохранившиеся записи этих встреч, я невольно приходил к выводу о том, что старый тапсуйский шаман, как, впрочем, и все другие, с которыми мне довелось встречаться в таежном краю почти полвека назад, ничего заново не творит и всецело зависит от каких-то ему самому неведомых сил, идущих свыше и дающих ему возможность создавать свою сущность. Понять эти силы способна только вера.

Последний раз я видел Василия Ивановича в 1944 году, будучи на реке Ворье — организовывал сбор учеников в школу. Это было в конце лета. Старый шаман сидел на берегу речушки. Его оголенные ноги были опущены в воду, а морщинистое лицо с закрытыми глазами обращено к солнцу. От старости он уже плохо слышал. Когда я поздоровался, он, не выражая никакого удивления, пригласил меня посидеть с ним рядом. Старый шаман опускал руку в воду, черпал ее ладонью, поднимал и с какой-то отрешенностью смотрел на жемчужные капли. Что он видел в них, чем были заняты его мысли, узнать было невозможно.

Шаман заговорил первым. Но, казалось, будто его речь была обращена не ко мне, а к воде, к тем прозрачным каплям, которые, падая, издавали звон хрусталя. Но сам шаман этих звуков не слышал.

— Отец мне говорил, что весной, когда первый раз после ледохода садишься в калданку, надо обязательно обнажить голову и помочить ее водой.

— Зачем?

— Чтобы в это лето не утонуть. Он, водяной, видит, и если кто этого не сделает, того он может подкараулить и утащить к себе. Он шибко не любит пьяных.

— Разве вода не любит челвека?

— Это злой дух не любит человека, а вода — она родила жизнь, жизнь сама зародилась в воде. Поэтому названия многих наших рек и озер — Ялбынья, Мулмья, Янитлак-тор — переводятся как "святая речка", "святое озеро". Речка для вогула — это его жизнь, вода — кормилица. Вода выбросила на землю лес и болото, а по берегам — человека. Речка — она святая.

Шаман по-прежнему методически набирал в ладошку воду и разбрызгивал ее.

— А куда течет речка, туда идет человек. Но куда текут все реки, куда идет человек, никто не знает. Когда я был молодой, то слышал, как падают на воду капли. Теперь я уже не слышу, но всегда думаю, о чем разговаривает вода с землей, капля с каплей. Вода — это жизнь.

Откуда неграмотному старцу, "дикому таежнику" было знать, что великий Леонардо да Винчи тоже, опуская руку в поток, прикасался, как он говорил "к концу того, что было, и к началу того, что будет". И великий ученый и художник, и безграмотный старец-вогул видели в воде начало всему, а сами реки считали священными. Они хорошо понимали, заглядывая глубоко в прошлое и будущее, что "оскверняющий грязью светлые воды источника лишает себя жизни".

♦♦♦

О Г Л А В Л Е Н И Е

Геннадий Тимофеев	3 стр.
Первые встречи с шаманами	8
Шаман Юнус из рода Муггади	37
Шаман Ворсик-Ойка с реки Манья	50
Шаман Инмар с реки Тапсуй	68
Лютеранка Мария Люстик и шаман Юшман	78
Мулигортская шаманка	92
Последние шаманы Тапсуйских урманов	100

Тимофеев Геннадий Николаевич

ТАЙНЫ СИБИРСКИХ ШАМАНОВ

Из истории шаманизма Югорского края

Редактор В. Киселев
Художник Г. Тимофеев
Обложка — В. Довган, А. Мухаметова
Ответственный за выпуск А. Мишунин
Технический редактор Т. Мухина
Фото А. Валова
Корректор В. Пырысева

Подписано в печать 10.07.96 г.
Формат 60x84/16. Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл.печ.л 7. Уч.-изд.л. 3,5.
Тираж 1000 экз. Заказ №3526.

Редакция журнала «Югра»
626400 Тюменская область, г. Сургут, ул. Маяковского, 12 а.
Сургутская городская типография,
626400 Тюменская область, г. Сургут, ул. Маяковского, 14.

266732004
Окружная библиотека

